

06
ЮЖНОРУССКАЯ

ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА.

Мирона.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія „Норчанъ Новицкаго“, Михайловская улица, домъ № 4 й.

1896.

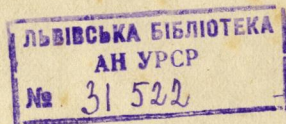
8(c)У "15.16" (09-2) + 792.1 (с47.11) (09)

31)

Дозволено цензурой Київъ 16 іюля 1896 года.

614dp

Ф/19-196 I

ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА.

Исторія южнорусской религіозной драмы XVI—XVII вѣка очень интересна во многихъ отношеніяхъ и до сихъ поръ не достаточно разработана, главнымъ образомъ по скудости дошедшаго до насъ матеріала, а также потому, что далеко не весь извѣстный матеріалъ опубликованъ и научно обработанъ. Мнѣ посчастливилось отыскать вотъ уже вторую южнорусскую религіозную драму, изъ которыхъ одну („Мистерія страстей Христовыхъ“) я напечаталъ уже на страницахъ „Кіевской Старины“, вторую же намѣренъ теперь предложить вниманію читателей. Эта вторая открытая мною пасхальная драма чрезвычайно любопытна, какъ по своему содержанію, основанному на извѣстномъ апокрифическомъ евангеліи Никодима, такъ и по своей стихотворной формѣ, похожей нѣсколько на форму козацкихъ думъ и близкой къ формѣ виршей. Интересъ ея увеличивается еще при ея сопоставленіи именно съ виршей и съ народнымъ разказомъ, который будетъ приведенъ ниже. Однимъ словомъ, настоящая драма дѣлается очень цѣннымъ звеномъ, соединяющимъ нѣкоторыя до сихъ поръ разрозненныя наши свѣдѣнія по исторіи южнорусскаго религіозно-литературнаго творчества, и даетъ основаніе для нѣкоторыхъ довольно интересныхъ обобщеній.

Руководствуясь соображеніями, мотивы которыхъ читатель увидитъ ниже, я привожу прежде всего слѣдующую „пасхальную виршу“, которая была въ 1862 году напечатана въ іюль-

70 И слыы уже моеи скилькы у мене не стало.

Правду казали, що царь небесный

Взявъ на себе образъ человеколепный.

И яжъ, скилькы не дужъ, такъ не возмогъ прелстыты,

Що прыйшлося мени теперь до вику вичного скорбиты.

75 Бо Иванъ Косматый Его крестывъ

И тымъ же то хрещеннемъ и поклоненнемъ мене мудро
уловывъ:

Я-жъ думавъ на Его, що винъ гришнійший усихъ чоловикъ,

Ажъ винъ той Богъ, который бувъ прежде всихъ викъ.»

А Христось прыйшедшы къ пеклу, благословывъ коругвою

80 И сокрушивъ на всихъ закленахъ вырйй передъ собою.

И тогда то Христось ийшовъ до Адама,

Де була заготовлена окромишная яма,

И такъ ставъ поздравляты,

Напередъ Адама и Еву одклякаты:

85 «Адаме, Адаме! Якъ тебе яблуко сюды далеко загнало!

И за тобою скилькы праведныхъ душъ въ некли пропало!

Якъ тоби того яблука вкусъ показався?

Я-жъ черезъ него на хрести за всихъ васъ рознявся.

Теперь же ты иды въ слидъ за мною, отсюду ступай,

90 И зъ праведныхъ ни одній души не оставляй.

Соломона-жъ не треба зъ собою браты,

Бо винъ можетъ криико дуже мудроваты.

Да и Каннъ нехай ище трохи перебуде,

Поки не таковой, а особлывый мйй судъ буде.»

95 И егдажъ Христось ставъ изъ пекла выступаты,

Тогда Луцыперъ почавъ помаленьку и дерзость приниматы.

Хоть хлыико, да ставъ говорыты

И по бокамъ некельнымъ очамы ставъ водыты.

И уздривъ Соломона, вельмы удывывся

100 Изъ своимы слугамы и не мало чудывся.

И сказавъ: «хоть одъ Христа я и лыха набрався,

Такъ за тежъ бо мыни мудрййший всихъ чоловикъ остався.

Прызнайся, Соломоне, чого ты ище въ некли не выдавъ?

Хыбажъ тебе Христось мыни на вики вишни подарувавъ?»

105 И рече Соломонъ: «Гладыжъ, сей подарокъ тоби зъ лы-
хомъ выйде.

По мене-жъ Христось еще и въ друге прыйде.

Въ первый его приходъ еслы ты и zostався,
 А якъ по мене въ другой разъ прыйде, то хочъ и отчайся!
 И закрычавъ Луцпыерь: «Выбыйте его въ шыю,
 110 А колы не хоче зъ некла, то хочъ черезъ сылу!»
 И тоди то бисы выгналы его зъ некла,
 То душа его въ слидъ за праведнымы потекла.
 И такъ Соломонъ зъ некла вымудруався,
 Що всякъ сему дыву дывуався.
 115 И такъ о избавленіе отъ вичного плена нашего радистъ
 вамъ витаю,
 И зъ Велькоднемъ уснхъ васъ поздоровляю¹⁾.

Въ 1886 году пок. М. П. Драгомановъ сдѣлалъ эту виршу темой небольшой статьи, напечатанной въ малор. сборникѣ „Ватра“, изданномъ въ гор. Стрыѣ въ Галиціи (стр. 122—129). Въ этой замѣчательной статьѣ пок. ученый обратилъ вниманіе на вирши, встрѣчающіяся въ древнихъ рукописяхъ, или сохранившіяся въ памяти крестьянъ и мѣщанъ, или распѣваемые мужиками. „Интересно,—писалъ онъ между прочимъ,—что нѣкоторыя вирши имѣютъ совершенно драматическую форму и могутъ считаться или начатками драмы, или ея обломками, отголосками церковной драмы, ежели не нашей, то близкихъ намъ народовъ“.

Прочитировавъ изюмскую пасхальную виршу, М. П. Драгомановъ замѣчаетъ: „И въ этой виршѣ такъ и бросается въ глаза живое драматическое изложеніе. Можно сказать, что авторъ ея или имѣлъ передъ собой примѣръ драматическихъ сценъ, которыя сокращалъ, влагая ихъ въ виршу, или вирша представляетъ промежуточную форму къ драмѣ. Смотри на примѣры похожихъ на нее рождественскихъ виршей (напр. въ „Основѣ“ 1862, VI, у Чубинскаго, Труды III, 328, 331—340, 342) и сравнивая ихъ съ подробностями извѣстныхъ варьянтовъ рождественской драмы, мы должны согласиться съ первымъ. Правда, противъ этого говорить то обстоятельство, что мы не

¹⁾ Второй нѣсколько сокращенный варьянтъ этой вирши, записанный въ г. Купянскѣ старобѣльскаго уѣзда, напечаталъ г. П. Ивановъ въ своей статьѣ „Изъ области малорусскихъ нар. легендъ“ (Этногр. Обзор. 1893, № 3, т. 119—120).

имѣемъ текстовъ Пасхальной драмы, но извѣстно, что такая драма когда-то у насъ была (см. митроп. Евгеній, Описаніе кіевософійскаго собора II, 216). *Можетъ быть иди нибудь и отыщутся тексты* этой драмы, которая въ своей чисто драматической формѣ должна была быть такъ-же похожа на драмы западныя (латинскія, французскія, нѣмецкія), какъ и Рождественская драма“.

И вотъ, спустя десять лѣтъ послѣ напечатанія этой статьи, предположеніе нашего ученаго изслѣдователя оправдалось. Мнѣ посчастливилось отыскать пасхальную драму, которую мы должны считать прототипомъ изюмской вирши. Фактъ этотъ, интересный самъ по себѣ, становится еще болѣе замѣчательнымъ по тѣмъ обстоятельствамъ, какія сопровождали мою находку. Лѣтомъ 1894 г. я получилъ отъ молодого галицко-русскаго этнографа Іосифа Роздольскаго небольшую тетрадку современнаго, курсивнаго письма. Тетрадка, вся писанная однимъ почеркомъ, составлена была крестьяниномъ села Местищъ, калужскаго уѣзда на галицко-русскомъ Подгорьѣ, Фомою Кышкомъ. Онъ передалъ ее одному изъ знакомыхъ г. Роздольскаго, но не сообщилъ ничего о томъ, откуда онъ списалъ имѣющіеся въ тетрадкѣ тексты. Я прочелъ тетрадку и заинтересовался ею, такъ какъ съ первой страницы ея убѣдился, что тексты, списанные Ф. Кышкомъ—не его собственнаго издѣлія, но интересные памятники нашей древней письменности. Черезъ посредство одного знакомаго въ Калущѣ я пробовалъ добратся къ самому Ф. Кышку, чтобъ узнать что нибудь на счетъ подлинниковъ, съ которыхъ онъ списалъ то, что имѣется въ его тетрадкѣ, но, къ сожалѣнію, ничего не узналъ, кромѣ того, что онъ вносилъ въ свою тетрадку „всячину“ изъ болѣе старыхъ рукописей и изъ книгъ. Это я зналъ и безъ него. Только стороной узналъ мой знакомый, что въ с. Мостыщахъ живетъ очень старый крестьянинъ Яковина, у коего есть старыя книги и рукописи, которыми, должно быть, пользовался и Ф. Кышко. Добраться до самаго Яковины я пока не успѣлъ, но получилъ одно письмо отъ Кышко и убѣдился, что пишетъ онъ еще болѣе безграмотно, чѣмъ тексты въ его тетрадкѣ, въ которой онъ часто списывалъ

слова и цѣлыя предложенія подлинника, не понимая ихъ смысла, и вѣроятно кое-что по недосмотру или небрежности пропускалъ. Во всякомъ случаѣ большая часть содержанія его тетрадки—списокъ съ какой то болѣе древней рукописи, которую я еще не потерялъ надежды отыскать.

Вотъ содержаніе тетрадки Ф. Кышко. Она состоитъ изъ 54 страницъ обыкновенной четверки плохой писчей бумаги. Первые 16 страницъ содержатъ сказку „Премудрый младенецъ“, напечатанную мною въ галицкомъ журналѣ „Житя і Слово“ 1894, II, 136—142. Съ 17-й страницы начинается писанное безъ разстановки стиховъ „Слово о буренію пекла славнаго Его воскресенія тридневнаго“; оно оканчивается на стр. 39. Послѣ него слѣдуетъ „Чудо святителя Христова Николая“, гдѣ разсказанъ разговоръ св. Николая съ сатаной. Чудо оканчивается на стр. 44, послѣ чего слѣдуетъ небольшая апофтегма; „Описанѣ 12 вещей, которій нѣкогда добраго порядку не зрѣбятъ: 1. Мудрѣ безъ учинку, 2. Богачѣ безъ милостинѣ, 3. Убогій гордый, 4. Старій не богобойный, 5. Младеницъ непослушный, 6. Жѣна безъ стыду, 7. Люди безъ права, 8. Война безъ фрики (?), 9. Панѣ безъ ласки (? м. б. ласки), 10. Христіянинѣ сварливый, 11. Царѣ гнѣвлиивый, 12. Духовный лѣниивый.“ Послѣ этого на стр. 45—46 находимъ довольно нескладную виршу „Бѣда съ бѣдою“, составленную въ тонѣ стихосплетеній галицко-русскихъ „трезвителей народа“. Далѣе слѣдуетъ сказка „Господарѣ и перепелица“, списанная изъ устъ народа, но съ книжными подбавками. На стр. 49—51 имѣется „Пѣснь людова про панщину“—списокъ сводный изъ нѣсколькихъ варьянтовъ и довольно спутанный. На стр. 51—53 списаны небольшіе разговоры крестьянина Грыця Оковытки и еврея Мортки Пявкеса—должно быть списано изъ „науки“ пок. Наумовича. Въ концѣ на послѣдней страницѣ мы находимъ виршу „По битвѣ пѣдъ Плевною“—кажется, сочиненіе какого нибудь современнаго рапсода изъ галицко-русскихъ крестьянъ; вирша эта напечатана мною въ журналѣ „Житя і Слово“ 1894, II, 224.

Самая обширная и самая важная въ историко-литературномъ отношеніи вещь въ настоящей тетрадкѣ—это „Слово о

буреню пекла“. При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи „Слово“ это оказывается настоящей пасхальной драмой, написанной стихами, впрочемъ совсѣмъ свободнаго размѣра, похожаго на размѣръ козацкихъ думъ. Мы предлагаемъ ее читателямъ не измѣняя ни въ чемъ текста, но сглаживая нѣсколько правописание и интерпункцію, разставляя стихи и указывая многоточіями мѣста, гдѣ по нашему предположенію въ текстѣ имѣются пробѣлы.

**Слово о буреню пекла... (что-то д. б. пропущено) славнаго
Его воскресенія тридневнаго.**

Люциперъ до Ада мовить:

Знаю я але о томъ Христъ,
Иже онъ есть отъ колѣна Давидова, Маріинъ сынъ,
Который самъ себе именуеть, же онъ Божий сынъ.

О томъ пророци съ давна пророкуютъ,

5. Вѣсть тую тилько дурно розмножують,
О той шестой тысящи лѣтъ запѣвнують (?):

Его бити Богомъ и человѣкомъ,

Вязнѣ нашѣ заровно отбереть отъ насъ.

Але я маю слуги у себи доводнѣ и бѣглѣ,

10. Же чрезъ нихъ знаю, що ся дѣе ни тилько на земли,

Али и на облацѣхъ святыхъ,

Знаю, що ся дѣеть и на край свѣта.

Коли Богъ основалъ землю и положилъ на ней дочаснѣ
лѣта,

Такъ дочасни, же подъ небомъ и во мори...

15. Знаю, що ся дѣе и въ одной годинѣ.

Чрезъ она, рече, есть... (д. б. пропускъ)

Иже билбы на земли Божий Синъ,

Не могу тое изъ своего розуму поняти.

Знаю Творца ещи предъ вѣки

20. Жывого въ небѣ и со человѣки;

И тіа травы, що Богъ сотворилъ, всѣ вѣдаю,

А того, що ся именуеть Синомъ Божиимъ, барзо вознена-
видѣлемъ.

- Я билемъ въ небѣ ангеломъ свѣтлымъ
И жиемъ на облацѣхъ и всему-м-ся приглядѣлъ:
25. Знаю, що ся дѣветъ и во едемскихъ палацахъ,
Али барзо дивуюся о тихъ речахъ.
И знову гди Богъ Адама созда, челоуѣка отъ земли,
И все животное що естъ на земли,
И въ рай его на востоцѣ посадилъ,
30. Аби пмня Творца своего славилъ,—
А шумнія (?) тому позавидѣлъ,
Адама и Еву з розуму извѣлъ,
Иже Божю заповѣдь переступилъ
И на тое повѣлъ, гдѣ онъ согрѣшилъ:
35. Далъ ся намъ такъ...
Богъ ему грѣха того не хотѣлъ терпѣти,
Послалъ ангела и вигналъ его з роскоши.
И розумъ тотъ маеть,
Але отъ того часу землею дѣлаеть
40. И въ потѣ лица свой хлѣбъ снѣдаеть.
Тую то оновѣсть
Во сконченю свѣта навѣсть (?).
В той часъ возрадовал-емся и осмѣял-емся зъ него,
Же онъ тое одержалъ: барзо добре на него!
45. Скоро онъ тое отрималъ,
А я того давно ожидалъ.
Альбо тижъ и тое знаю,
Же Богъ девять хоровъ ангельскихъ маеть,
Отъ которыхъ на небѣ хвалу пріймаеть.
50. А я тилько помисливъ ровнятися зъ нимъ,
И за тое струченъ есмь изъ неба,
Где мнѣ давно било потреба,
Такъ тижъ и Адамъ согрѣшилъ,
Же зъ древа заказаного овоцу ѣлъ,
55. Отъ которого ангель ему заповѣлъ,
(Аби) ани въ руки свои не бралъ!
Але то з моей причини,
Же от древа заповѣданого овоцу ѣли.
И ещемся о то старалъ,
60. Аби си Адамъ изъ потомками своими мнѣ на вѣки записалъ.
А я то Адамовѣ сини родная повадилъ,

- Же Кайнъ Авеля брата своего изъ свѣта згладилъ.
 И отъ того часу почалемъ (пекло) будовати
 И душъ отъ всего свѣта забирати.
65. И все потомство его нѣкому не завадило,
 Адама первозданна... (л. б. пропускъ)
 И зрадилъ такъ Адама,
 Запровадилъ и Авраама,
 Исаака, Иакова и всѣхъ патріарховъ,
70. Тамъ мнѣ не било о нихъ иныхъ страховъ.
 Царей незречонихъ и рицаровъ отъ вѣка
 Назбиралемъ не мало ажъ до сего часу.
 Пекло, моя слѣчная потѣха една
 Грѣшниковъ ажъ (до) верху узкаго пожерла,
75. Рицаровъ можныхъ и Самсона барзо дужаго,
 Царя Аликсандра всего свѣта явного,
 И Давида пари, которого ялемся, повѣдаю.
 Пророки всѣ, которіи васъ людей научають,
 А пана своего Ада и мене с пренемусу навѣжають.
80. Которихъ маю въ хланахъ ¹⁾ своихъ—
 Повно завше есть ихъ!
 Иоанко есть, а потому и самъ Хрвстось у мене будетъ.

Адъ до Люципера:

- Панп Люциперу, мой старосто,
 Хоть у меня и у теби слугъ есть тысящей сто,
85. Чомуся мои гадки барзо голову троскочугъ
 И фрасунку несносного такъ мене здниймуютъ!
 Але зажиймо зъ собою поради и слугъ зволаймо,
 А того Христа запихаймо!
 Идѣмо, аби тому Иусу дали побой,
90. Ми-же его не зачѣнаймо, абимъ изъ нимъ билъ у спокою
 Бо гдижъ имѣлемъ у себи Лазора читиродневнаго,
 А гди его однимъ словомъ (воскресилъ),
 (Собѣ) за наемника обибралъ,
 Гвалтомъ изъ руки ми вирвалъ,
95. (То я) барзо острое уружіе притупилъ,
 Хоть якъ ся изъ нимъ не билъ.

¹⁾ Вм. отхланяхъ.

И теперъ я тимъ клопочу голову свою:
Бою ся, жеби клопотъ (?) мнѣ в неволю с тобою.

Люциперъ до ада мовитъ:

- Не тревожся пане мой и добродѣю!
100. Тилько ти у ме (не) першая надѣя.
Хоть онъ такъ барзо страшнѣй Мариннъ Синъ,
Я еще о осьько постараюся
И съ нимъ добре вибюся,
И буду шукати якои причини.
105. Ужемъ побудилъ на него жидовъ
И повели его до ратуша нинѣ,
Аби на него найшли фальшивую зраду.
И до того подповилемъ своего утѣшителя Июду.
Аби его видалъ до фальшивого суду.
110. Бо гдижъ чинился Снномъ Божиимъ бити,
А теперъ при нему не видно и жадного Апостола,
А Марія боится за нимъ причинити.
А тихъ 12 Апостоловъ не тилько (не) боимося,
Але и не лякаймося!
115. Отъ заразы будуть на него жиди сторожу имѣти,
А бась о помощь барзо просити.
И попускаюся слугъ своихъ..... (д. б. что то пропущено)
О которыхъ маю приязною и прихильною.
И въ каждой годинѣ будемъ вѣдати,
120. Що той Ісусъ теперъ умѣеть и що будетъ дѣяти.

Адъ до Люципера мовитъ:

- Пане Люципере, старосто мой (и) добрый друже!
Прошу тя, мого господарства пильнуймося дуже!
Пильнуй добре! знаеш, на що ся поднялъ,
Бо Іоанъ Предтеча слугъ нашихъ дуже полякалъ.
125. А того Христа не зачѣпаймо!
Отъ куду естъ, того добре не знаемо.
Бо мои жили почали дрожати—
Либой коло насъ не жарти!
И чемусь боюся, аби на мене не било якихъ страховъ,
130. Жебисьмо не утратили пекельнихъ нашихъ кгдаховъ.

Люциперъ до Ада мовитъ:

- Паве мой Аде, чому-сь такъ барзо боязливый?
 Не тревож же ся о моихъ слугъ милихъ,
 Которихъ маю чужихъ,
 Абимъ из ними та долгий (вѣкъ) прожилъ.
135. Але я, Аде, надѣю маю:
 Душу Христову себѣ поймаю.
 Пошлю заразъ съ воськомъ старшого своего воеводу
 Трубая,
 И другую Венеру,
 Тамъ нехай вбѣгають подъ мѣсто Ерусалимъ,
140. Аби Христа пильно стерегли,
 Щоби ангели душу до неба не донесли.

Люциперъ до слугъ своихъ мовитъ:

- Гей панови воеводи, и ти паве Трубая,
 И ти Неро!—А то для того васъ волаю,
 Жебисмо зажили якои поради,
145. Щоби з Христовою душею ангели не учинили зради.
 Щобисмося теперь добре порадили,
 А того Христа душу до неба не допустили.
 Бо его конче жиди распяти мають,
 О то ся пильно старають.
150. И намъ о то ся пильно старати,
 Аби его душу до себе поимати.
 А гди бисмо его душу до себе поимали,
 То бимъ билъ безпечний, не боялбимся на свѣтѣ нѣкого.
 То конечно прутко тамъ бѣгайте,
155. А душу его пильно вистерѣгайте,
 А менѣ о томъ хутко знати давайте,
 Куда ся тотъ Ісусъ повернетъ. Треба намъ о томъ знати;
 Вѣнъ то кажетъ, що то изъ нимъ жарти.

Люциперъ до Ада мовитъ:

- Ужемъ, Аде, пославъ слугъ своихъ пильнихъ.
160. А гдѣ (Христа) будутъ мучити,
 Тогда душу его до насъ провадити.
 А ми сюда ангеловъ не допускаймо,

- Щоби насъ не зрадили,
 Щобъ душу его до неба не попровадили.
165. Послалемъ старшаго слугу своего Трубая и Венеру.
 Не бойся, пане Аде, що-сь бо такъ барзо страшливый?
 Ещемся въ господарствѣ нѣгдимъ не засналемъ
 И ввесь вѣкъ въ радость мою положилъ.
 Не боймо ся Маріяна Сина: Богъ бо есть и человекъ,
170. Не вчинить намъ нѣчого во вѣкъ.
 Я до конца бо... держить... (д. б. пропускъ)
 И готовый естимъ до побоя,
 А пекло—то моя столица,
 Бо держить его моя правница.
175. Гди би онъ Божій Синъ, не терпѣлъ би муки,
 Не выдавал би онъ себе въ жидовскѣ руки.

Адъ до Люципера мовитъ:

- Южъ я бачу (годину) страстную и моминтную,
 Хочъ еще жадной новини не чую.
 Животь мой дрожить, очи мои бачуть,
180. И животь мой добре чуетъ, тилько не скажетъ:
 Подобно Христось пришедшій всѣхъ насъ повяжетъ.

Люциперъ до Ада мовитъ:

- Щожъ чинити? Ось бачу, они прорѣкають,
 Щосьмо прожили вѣкъ всѣ дни свои.

Адъ мовитъ до Люципера:

- Оглядъ но стражу и пекло,
185. Щоби жадной душѣ не утекло!
 И мѣдяні ворота зо всѣхъ сторонъ постави
 И ланцухами моцними истягни
 И твердими колодками замкни,
 И тысяща тысящъ множество
190. Воська избра на него!
 Знаю, же Христось приходити будетъ!

Люциперъ до Ада мовитъ:

- Не ужасай ся. Аде, пане мой!
 Будуся якъ мога изъ нимъ бити,
 Поки кости одному на десять ся не роспадутъ,

195. И не дамъ до себи приступити.
Тилько пословъ очѣкую
И вѣсти первой ожидаю.

Іоанъ Креститель мовитъ до Ада:

- Смутися, Аде, в ламентуй во вѣкъ,
Бо вже до насъ идетъ Богъ и человекъ.
200. Готовый еси пекла и вязня,
Котрые будутъ на твое время!
Всея полъ (?) и (съ) слугами твоими,
Котріе будутъ подъ ногами Божиими.
Вставай Давиде, веселися и въ струни ударий!
205. Ото певне будетъ до насъ! Пана и Творца своего прославляй!

Люциперъ до Іоана мовитъ:

- Постой Іоане, еще ся с тымъ не вихваляй,
А того Ісуса не прославляй!
Бо ми его не любимо
И тымъ до пекла не дуже потребуемо.
210. А ти еще ся тому не дивуй, що насъ беретъ ужасъ:
И той твой Ісусъ будетъ у насъ,
Хто дужший будетъ, той выиграетъ зъ насъ.
И ти ся не вифиглюешъ, хочъ би ся якъ фигловалъ!
Которому дорога готова...
215. Ти то завше, Іоане, покаяння проповѣдникъ
И того власний Ісусовъ подхлѣбникъ.
Ти естись ему щось за родина,
Що такъ твоя о немъ зъ нами перепона.
Для чогожъ ти вязнѣвъ моихъ потривоживъ
220. И вѣсть тую дармо розмноживъ?
Щоби у тебе Богъ бувъ, коли бы ти ся народивъ?
Щобись намъ тіи вѣсти не множилъ!
Чому инші святіи сидятъ тихо?
Гдесъ и тобѣ у насъ прийшло лихо!
225. Яко твой Ісусъ до Ада маєт уступити
И всѣхъ вязнѣвъ моихъ висвободити,
Того ти нѣгди не доконаешъ,
Тилько о немъ тую славу дурно розмножаешъ.
А докиж ти, Іоане, будешъ практиковати,

230. А що разъ то больше о томъ Христѣ пророковати?
 А що такъ богато пророкуешъ, братку,
 Дайте ему смоли напиться и пикельного кваску!
 А ходи по сюди, больше не проповѣдай,
 Миѣ страху и моимъ слугамъ не задавай!
235. Бо и знаку его тутка не будетъ, не боемося,
 И набоженства его не смотримо,
 Знаю, же Богъ есть въ небѣ,
 Которому ангели спѣвають: слава тебѣ!
 Тутъ на земли Бога въ тѣлѣ не маешъ,
240. А о немъ пророкуешъ, а самъ его не знаешъ.
 Богъ въ небѣ зъ апостолами пануетъ,
 А моя слава во вѣкѣ роскошуетъ.
 И мене всѣ люди на язицѣ носятъ,
 Лѣпше нежели Бога просятъ;
245. А я ведлугъ просьби ихъ готовъ тое чинити
 И буду ихъ любити,
 И ещи имъ за тое покажу и битую ласку
 Не тисящу, бо якъ наготую смоли и пекельного кваску...
 А ти вѣсти больше не повѣдай,
250. Товариству своему в смутку не допомагай!
 Вижу, же то фѣглюешъ,
 Разумѣю, же ти ся утечи готуешъ.
 О, не вифиглюешся, пташку!
 Рицаря ми того не боемося
255. И той рицаръ будетъ съ тобою,—
 О тожъ бѣжить поселъ зъ новиною!

Генера приближаетъ и мовить:

- Пане Але и ти пане старосто нашъ!
 Гди на свѣтѣ большого нема над тебе,
 Посли мене воеводу Гинера и Трубая,
260. Нѣчого ся не лякай!
 По що ти послалъ, ми все то поорудовали,
 А Христа того въ ланцухи и въ стрички убрали.
 Водать его жида отъ ради до ради,
 А нѣхто ему не даетъ поради.
265. И чулемъ отъ жиловъ: заразъ веденъ будетъ за мѣсто,
 И знаю добре, вже готують на него лобное мѣсце.

Той доказуетъ и другій наступаетъ:

- О тожъ пане мой Аде!
 Христа жиди теперь на крестѣ разпяли
 И гвоздьми желѣзными пребыли.
 270. Южъ не будетъ живъ, то правда, конечно,
 А ми будемъ жити безпечно.
 Мене послали воеводу тое оповѣдати,
 Аби тобѣ заразъ радость размножити.

Третий посолъ говоритъ до Люципера:

- Отожъ пане нашъ Аде, южъ Христосъ умираеть,
 275. На крестѣ главу преклоняеть.
 Иже все тѣло его бичами избили
 И коушемъ бокъ его пробили,
 Оцтомъ со желчѣю напоили
 И приправми — присѣками его частовали.
 280. И оставшиися нашѣ тамъ воеводи,
 Аби душу Христову принесли на нашѣ угли.

Люциперъ до Ада говоритъ:

- Видишь, Аде, такую маю новину!
 Що то ся чрезъ мене стало Маріинову Сину.
 Южъ жиди его на крестѣ распяли,
 285 На смерть гане(б)ную..
 И бокъ его коушемъ пробили,
 Во своя сѣти...

Адъ до Люципера говоритъ:

- Моя рада такая
 И голова старшая:
 290. Душу Христову не берѣмо
 Анѣ ей стережѣмо,
 Щоби для одного
 Не утратити много.
 Нехай душа его идетъ до неба,
 295. А намъ ей не потреба.
 Во всѣ пророки о томъ пророкують,
 Же маеть прийти до насъ, заливняють,

Духа своего познають.

Же такъ пророкують: южъ намъ отъ него гинути

300. И пекло наше зовсѣмъ утратити.

Во южъ блиско конецъ нашъ,

И старшенство тутъ днесъ, а завше ни машъ.

И такъ поселъ приближаетъ и мовитъ:

О тожъ Христосъ запевне умеръ,

А я бачивъ ото недавно, теперъ!

305. Але гди душа его вишла из тѣла,

Не одна тамъ плоть зомлѣла.

А ми всѣ ся били полякали

И далеко-сьмо отъ него повтикали.

Хтѣли-сьмо душу его поимати,

310. Але гдисьмо отскочили, страшно було и здалека стояти,

Не тилько приступити.

Аггельскія войска гди приступили,

А насъ до него не допустили.

Дрежала земля, ломалися оноки,

315. Билъ страхъ великий и есть и доки.

Сонце и мѣсяць во кровъ премѣни

И мертвихъ отъ гробовъ воскреси.

Отъ страха великаго ажъ на землю падали

И чрезъ три години лежали,

320. Ажъ не хутко встали.

И такъ ми ся були страху набрали!

Утѣкали-сьмо оступомъ всѣ вразъ,

Взявши въ руки брань.

Правда, тяжко есть знати,

325. Але-смо чули отъ ангеловъ,

Же во третій день воскреснетъ и приидеть до насъ

И хочеть забрати всѣхъ святыхъ отъ насъ.

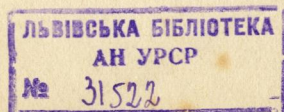
Воеводи южъ приходятъ, Генера и Трубай, и мовятъ:

Пане Аде и ти пане старосто Люципере нашъ,

Подобно Христосъ усѣхъ святыхъ забереть отъ насъ.

330. Хотѣли-смо душу его къ себѣ поимати.

Але Божии сили не дали до ней приступити.

- Охъ лихо наше!
 Видѣли-смо Божии блискавици и громи незносніи!
 Подобно правдивій есть Христось Богъ;
 335. Нѣхто такихъ чудовъ кромѣ него чинити не могъ.
 Уступили-смо ту до пекла поради зажити.
 Южъ онъ ту будетъ запевне у насъ,
 Почавше отъ Адама избереть усѣхъ отъ насъ.

Люциперъ мовить:

- Ова! Якъ мога буду ся боронити, я могучи,
 340. Бо не годит ми ся ис своего паньства утечи.
 Если онъ Божій Синъ, нехай собѣ сидить на небѣ та
 пануесть,
 А нами и пекломъ нашпмъ нехай не керуесть,
 И з нами нехай ся не воюесть.
 Бо гди билъ при мнѣ Давидъ,
 345. Гди би ся ему кланялъ и данъ давалъ,
 Гди би ся ему поднялъ
 Кроловати натрохи вѣку,
 А теперъ щобимъ ся далъ одному челоуѣку!
 Тутъ его буду чикати, Аде, на пліцу с тобою,
 350. Гди ся челоуѣка жадного в кѣлѣ не бою.
 И буду ся з нимъ межне воевати.
 Вимъ мѣлъ що маю и тое продати.
 Гей, добрѣ всѣ мои жовнябри,
 Берѣтса до него смѣле!
 355. Ото страхъ прийшолъ, то ся не лякайте:
 Ставте ся до него межне, з воськомъ поставайте!
 А брами воротніи рихловъ замыкайте
 И ворота некельніи добре пооглядайте,
 И ланцухами долгими изволѣкайте
 360. И колодками моцними и твердими замивайте!
 Бо южъ запевне приїде,
 Але хто буде дужшій, той межи нами виграе.
 Нехай вамъ серце отъ страху не млѣесть!
 Тилько берѣте ся до него смѣле!
 365. Бо знаю, южъ вамъ не новина воевати,
 Не такихъ рицаровъ на пліцу имати.

- И зъ нимъ (будемъ) воевати,
 А всѣмъ кролювати!
 Я наставъ князей, пророкъ,
 370. (Що) не втѣкають з нашихъ рукъ.
 Отвѣдайте, чилѣ есть всѣ князѣ у пеклѣ?
 Постоите, не тривожтеся!
 А Христа того не бойтеся!
 Тилько еще посла остатного из плацу ожидаю,
 375. Бо его пристѣя не знаю.

Остатній поселъ приближаетъ, мовитъ:

- Пане Аде и ти пане Люциперу старосто, ознаймую вамъ,
 Иже идеть то есть (д. б. гость) неровній намъ—
 Царъ грозный и ангеловъ множество...
 И з нимъ идуть всѣ сарафими
 480. И его божественнѣ силы.
 Противъ одного ангела не могли-сѣмо нѣчого скургати¹⁾
 А самага Ісуса—его страшно слухати.
 И то прибѣгли-сѣмо напередъ даючи вамъ знати.
 (Зобачили короюу Христову и полякалися).

Люцперъ до своихъ слугъ мовитъ:

- Отожъ идеть къ намъ! Пильно стережѣте!
 385. А въ рукахъ своихъ оружіе mocno держѣте!
 А якъ до насъ прииде, mocno отповѣдайте,
 Плечима дверѣ mocno подпирайте,
 А якъ би ся домагалъ, ангеловъ забивайте!
 Не фольгуйте ему, такъ тежъ нѣкому,
 390. Нехай онъ не идеть ко мнѣ (до моего дому!)
 Чого по нему тутъ? Коли онъ Божій Спнъ, нехай собѣ
 на небѣ сидитъ!
 Я не вѣдаю, для какой причины сюда идеть.
 Ны маєтъ онъ до мени жадной справи,—
 И не могу разумѣти, що то за царъ слави.

Святий Іоанъ до Люципера мовитъ:

395. А, то ти отъ насъ царя слави не чуваль
 Изъ устѣ моихъ, о которомъ (я) пророковаль?

¹⁾ Изъ польскаго wskógać—получать, восторжествовать..

Не тилько я, али и всѣ пророки;
 Не тилько (пророки), али и всѣ патриархи (о) тимъ пред-
 сказують усѣ роки.

Люциперъ до Іоана мовитъ:

Знаю и Іоане, же то Богъ все тое справиль,
 400. Не той царъ слави,
 О которомъ ти пророковалъ!
 А я Бога сѣдящаго знаю,
 А тутъ на земли о томъ не розумѣю:
 Отколь би то онъ мѣлъ (ся) на земли взяти,
 405. То не могу з розуму моего поняти.

Втеди Люциперъ до слугъ мовитъ:

Гей, панове молодцѣ! Нехай вамъ сердце ся не лякаеть,
 (Же) отъ того Христа восько все повтѣкаеть!
 Потужне си ставте,
 А зъ пляцу и жаденъ не утѣкайте!
 410. Грозне ся до него ставте, а за дверѣ берѣте и голосно
 волайте,
 Крикомъ страху ему завдавайте.
 Бо якъ розумѣю: як жи гвалту не будети чинити,
 То онъ не схочеть з нами войны точити.
 А если би кликавъ, вязний просиль,
 415. Не билбимъ ему и десяти борониль.
 Радъ би я з нимъ поради зажити,
 Але боюся иншого огни...¹⁾
 Бо я анѣ письма не читалъ,
 Анѣ отъ людей мудрихъ не чувалъ,
 420. Що би (то) билъ за царъ слави?
 То той не маеть до насъ справи,
 Же маеть грозно до насъ прийти
 И некло наше розпошити.

Слуги мовятъ до Ада:

Отожъ пане нашъ Аде, що-смо видѣли уже виликія чуда.
 425. Правда, исправиль емъ худо барзо и нашъ Іюда.
 Не тилько чиниль чудо во Ерусалимѣ, але и всюда:

¹⁾ Здѣсь опять что то пропущено.

Мертвихъ воскресилъ, хорихъ уздоревлялъ,
А насъ словомъ своимъ далеко прогонялъ.

Потомъ самъ Христосъ приходитъ и мовитъ:

Отчинѣте князи врата ваша!
430. Входитъ во васъ царъ слави.

Люциперъ до Ісуса мовитъ:

Прошу тя Христе в добрый обичай:
Дай мнѣ покой и больше ми не докучай!
А що жъ то естъ за царъ слави?
Коли ти Богъ, приими отъ апостоловъ хвалу
435. И отъ ангеловъ своихъ славу,
А насъ занихай,
И на ворота мои и на меня больше южъ не волай!

Потомъ Христосъ друиий разъ рече и благословитъ коровою:

Господь крѣпокъ силовъ брани!
Возъмѣтся врата вѣчная, войдетъ во васъ царъ слави!

Люциперъ до Ісуса мовитъ (сѣ) крикомъ:

440. Повторне прошу тя Ісусе: некло и мене не напастуй!
Бо невинно напастуешъ,
Нѣчого
Бо коли ти Богъ, такъ собѣ седи, въ раю пануй,
А я тебе тутъ не потребую.

*(Третий разъ Христосъ благословитъ коровою, и бистъ такъ со-
крушишася врата).*

Христосъ мовитъ:

445. Ото входитъ во васъ царъ слави!
Господь силенъ, той естъ царъ слави.

*(И перекрестивши на три части, в той часъ ворота и ланцузи
сокрушишася и входитъ Христосъ въ некло, освѣщаетъ своимъ про-
мьнемъ и освѣщаетъ всѣ мѣся негельнїя и кропитъ водою и духомъ
святимъ).*

Адъ кричитъ:

Гвалтъ, панове! Врата ломають!
И водою якою острою насъ кропятъ!

Люциперъ до Христа мовитъ:

Що ти ломишь мои врата безпечне?

450. Гдесъ вязный моихъ хочешъ взяти конечно!

А для чого мя такъ, Сину Божій, гвалтуешъ

И вязневъ моихъ ись собою приймаешъ?

Которихъ я билъ собѣ отъ вѣка назбиралъ,—

А теперъ пекло збурилъ и столицу сплюндровалъ,

455. А мене Ада вѣчными узами вяззалъ!

Щожъ я теперъ чинити маю!

Южъ вязневъ моихъ покралъ—запевне знаю,

Вѣчній палаци мои поповалъ

И все мое пекло сплюндровалъ

460. И насъ подъ ноги свои бралъ и потоптовалъ

И слуги мои миліи всигди порозганялъ,

Адама и Еву и всѣхъ святыхъ съ собою забралъ!

Тилько зъ одного страху ледви сижу,

А по старому передъ собою одного праведника вижу.

465. Питаю ся я тебе, Соломоне, чему ти ся тутъ zostалъ?

Подобно мнѣ тебе Христосъ даровалъ.

Соломонъ до Люципера мовитъ:

Южъ повторне Христосъ по мене приїде.

Страшный билъ его первый приходъ,—

Еще другуй страшнійший буде.

Люциперъ мовитъ до слугъ своихъ:

470. Слуги мои, узмѣте,

Царя Соломона изъ пекла випровадѣте!

Не жалую его

Анѣ Христа того,—

Нехай сюда больше не приходитъ,

475. Пекломъ нашимъ и нами не тревожить.

(В той часъ бѣси взяли Соломона и випровадили изъ пекла, и мовятъ такъ бѣси на Христа и на Соломона).

Бѣси мовятъ:

Идижъ, иди за своимъ Христомъ, а тутъ не бувай

И пекломъ нашимъ и нами больше не полагай!

(Соломонъ скачучи почавъ спѣвати,

Люциперъ изъ Адомъ плакати и ридати)

Христосъ до него рече:

Не рѣдай мене Аде.

Наполю пива.

.

480. Во остатний день будешъ имѣти яко-сь мѣлъ.

Соломонъ:

(почаль Бога во Троици вихвалати и причистую Богородицу)

Приблагословенная еси Богородице Дѣво,

Воплоти бо ся нс тебе (божее слово)!

Адъ плѣненъ бысть, Адамъ призвася,

Клятва потреби ся,

485. Ева свободися,

Смерть умертви ся,

А ми ожихомъ!

Тѣмъ поюще возопѣемъ:

Благословенъ Христосъ Богъ нашъ изволивый таковая!

490. Слава тебѣ!

Конецъ исторіи.

Подробное сравненіе вирши съ драмой очень поучительно, ибо оно нагляднымъ образомъ иллюстрируетъ процессъ перехода духовной драмы въ виршу, а съ другой стороны можетъ, при неисправности текста драмы дать намъ нѣкоторые указанія для возстановленія ея первобытнаго цѣлаго. Но прежде всего умѣстенъ вопросъ: дѣйствительно ли Изюмская вирша произошла отъ драмы, похожей на ту, которой текстъ напечатанъ выше, а не наоборотъ?

Въ томъ, что первообразъ или скорѣе источникъ Изюмской вирши былъ драмой, нельзя и сомнѣваться. Другое дѣло—была ли это именно та драма, которой списокъ сохранился въ тетрадкѣ Ф. Кышко на галицко-русскомъ Подгорьѣ? Есть моменты, допускающіе какъ утвердительный, такъ и отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, и мы постараемся тщательно проанализировать тѣ и другіе. Въ пользу предположенія, что Изюмская вирша произошла изъ драмы, если и не вполне

идентичной съ напечатаннымъ выше текстомъ, то очень къ нему близкой, или точнѣе сказать, болѣе полной, говорить, во первыхъ, близкое сходство или даже полное совпаденіе многихъ стиховъ вирши и драмы ¹⁾, во вторыхъ сходство характерныхъ и не очень обыкновенныхъ названій демоновъ „Бынарей и Трубарей“, изъ коихъ особенно первое только послѣ сопоставленія съ драмой становится понятнымъ: въ драмѣ демонъ этотъ называется Венера или Генера (это можетъ быть описка полуграмотнаго копіиста), или сокращено Нера, хотя для самаго составителя драмы демонъ этотъ мужскаго рода. Составитель вирши еще менѣе зналъ классическую мифологію и *этого* Венеру передѣлалъ на Бынарей въ множ. числѣ, послѣ чего и Трубаю пришлось разложиться на множество Трубарей. Оставляя въ сторонѣ такія шаткія доказательства, какъ языкъ и размѣръ стиха, мы укажемъ еще на одно сходство, по нашему мнѣнію, очень знаменательное—это эпизодъ съ Соломономъ общій, какъ виршѣ, такъ и драмѣ, и не принадлежащій къ общимъ мѣстамъ религіозно-драматической литературы и даже не встрѣчающійся въ той формѣ нигдѣ болѣе въ извѣстныхъ намъ текстахъ религіозныхъ драмъ; ниже мы отмѣтимъ его существованіе, но съ другими дѣйствующими лицами.

Разсмотримъ теперь соображенія, говоряція противъ преюбужденной связи вирши съ драмой. Самымъ вѣскимъ доказательствомъ въ этомъ отношеніи можно считать содержаніе одной и другой. Сравнивая содержаніе вирши съ содержаніемъ драмы, мы съ перваго взгляда склонны заклю-

¹⁾ Вирша ст. 18—19 сравни Драма ст. 160 и 165.

„	„	28—29	„	„	„	377—378.
„	„	30—31	„	„	„	312—313.
„	„	32—33	„	„	„	309—310, 381—382.
„	„	46—47	„	„	„	361—362.
„	„	48—50	„	„	„	142—144.
„	„	52—53	„	„	„	146—147.
„	„	54—55	„	„	„	294—295.
„	„	60—64	„	„	„	175—176.
„	„	103—104	„	„	„	465—466.
„	„	105—108	„	„	„	467—469.

чить, что имѣемъ дѣло съ двумя различными композиціями, имѣющими, конечно, общую тему и принадлежащими одной и той же литературной школѣ, но совершенно различными по исполненію въ подробностяхъ. Эпизоды, имѣющіеся въ виршѣ, отсутствуютъ въ драмѣ и наоборотъ; дѣйствующія лица въ драмѣ не совсѣмъ тѣ, какія дѣйствуютъ въ виршѣ. Насколько подобный взглядъ согласенъ съ фактическими данными, какія мы можемъ добыть при изученіи вирши и драмы, это покажетъ болѣе подробный анализъ и сравненіе ихъ содержанія. Исходной точкой при этомъ мы беремъ виршу, такъ какъ текстъ ея во всякомъ случаѣ не столь сомнительный и испорченный, какъ текстъ драмы.

Содержаніе Изюмской вирши въ той формѣ, какъ мы напечатали ее выше, состоитъ изъ восьми эпизодовъ и заключительнаго двустишія—обычнаго поздравленія съ праздникомъ, свидѣтельствующаго о томъ, что вирша производилась юношами, можетъ быть школьниками, ходящими отъ двора во дворъ и получающими за это угощеніе или какую нибудь подачку. Нѣтъ сомнѣнія, что именно для этой цѣли она и была составлена, и нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ предположеніи, что авторъ для составленія вирши воспользовался извѣстной его публикѣ религіозной драмой, сокращая и передѣлывая ее сообразно съ своими цѣлями. Но такъ ли это было въ дѣйствительности, мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Эпизодъ 1. Разсказъ объ Іудѣ и разговоръ съ нимъ Луцыпера (ст. 1—20). Здѣсь нужно различать три отрывка, а именно: 1) эпическій разсказъ о смерти Іуды (ст. 1—6)—очевидная литературная собственность составителя вирши; въ драмѣ по всей вѣроятности смерти Іуды изображено не было, но дѣйствіе начиналось прямо въ аду сценой входа души Іуды и привѣтной рѣчью Луцыпера. 2) Рѣчь Луцыпера къ Іудѣ, особенно ст. 7—15, должна быть прямо заимствована изъ драмы. Но исчерпывался ли этой рѣчью весь эпизодъ съ Іудой? Вѣроятно—нѣтъ; Іуда долженъ былъ также говорить что нибудь, а начальные слова рѣчи Луцыпера „*Обытай же Іудо*“ указываютъ на то, что имъ предшествовалъ цѣлый діалогъ, и эта рѣчь

была его заключеніемъ. Этого эпизода въ нашей драмѣ нѣтъ, кромѣ небольшого упоминанія объ Іудѣ (ст. 108—109). Но намъ кажется очень возможнымъ допустить, что въ полномъ, первоначальномъ текстѣ драмы эпизодъ этотъ былъ; въ этомъ утверждаетъ насъ то обстоятельство, что текстъ нашей драмы очевидно не имѣетъ начала, такъ какъ первый ея стихъ начинается съ „але“, значитъ, есть отвѣтъ на какія то прежде высказанныя, но въ рукописи утраченные положенія. 3) Вторая часть рѣчи Луцыпера въ виршѣ (ст. 16—21) по всей вѣроятности вставлена туда авторомъ вирши изъ какой нибудь другой рѣчи Луцыпера, обращенной не къ Іудѣ. Въ этомъ предположеніи укрѣпляетъ насъ то обстоятельство, что два стиха этой рѣчи (ст. 18 и 10) довольно близко воспроизводятъ ст. 160 и 165 драмы, гдѣ имѣется рѣчь Луцыпера къ Аду.

Эпизодъ 2. Возвращеніе Бынарей и Трубарей и ихъ рѣчь къ Луцыперу и всѣмъ демонамъ (ст. 22—33) есть только блѣдная и слабая передѣлка того же эпизода, съ сценической живостью изображеннаго въ драмѣ (ст. 257—428) и составляющаго ея драматическую *pièce de resistance*. Хотя въ виршѣ этотъ эпизодъ переданъ всего 12 стихами, изъ коихъ 4 эпические, значитъ, опять таки прямая собственность составителя вирши, но изъ прочихъ восьми стиховъ четыре (30—33) почти буквально взяты изъ разныхъ мѣстъ нашей драмы (сравни ст. 309—310, 312—313, 381—382). Въ виду этого, связь этого эпизода вирши съ соотвѣтственнымъ эпизодомъ драмы становится несомнѣнной. А въ такомъ случаѣ интересно прослѣдить, какъ обращался авторъ съ текстомъ драмы, передѣлывая его въ виршу. Какъ видимъ, въ драмѣ эпизодъ этотъ обнимаетъ 171 стихъ, коимъ въ виршѣ соотвѣтствуетъ 12. Въ драмѣ дѣло развивается такимъ образомъ: Венера входитъ и рассказываетъ, что Христа присудили къ смертной казни; второй демонъ рассказываетъ, что Христа распяли на крестѣ; третій возвѣщаетъ, что Христосъ умеръ. Люцыперъ торжествуетъ, но Адъ высказываетъ свои опасенія. Тогда входитъ новый демонъ, котораго рѣчь болѣе-менѣе соотвѣтствуетъ рѣчи Бынарей и Трубарей вирши, съ изыатіемъ ст. 26—27, которымъ соотвѣтствуютъ дальнѣйшія

распоряженія Люцыпера (ст. 357—360). Затѣмъ приходятъ прочіе демоны (въ нашемъ текстѣ, должно быть по опискѣ копіиста, Генера приходитъ второй разъ) и подтверждаютъ, что Христосъ въ самомъ непродолжительномъ времени явится въ аду. Люциперъ храбрится и дѣлаетъ распоряженія къ защитѣ. Еще одинъ демонъ прибѣгаетъ, который опять повторяетъ то, что воспроизведено и въ виршѣ. Люцыперъ еще разъ напоминаетъ своимъ слугамъ, чтобы защищались храбро, ибо онъ не понимаетъ, какой это „царь славы“ идетъ на нихъ. Св. Іоаннъ Креститель напоминаетъ Люцыперу о пророчествахъ на счетъ „царя славы“, но Люцыперъ упорно отказывается понимать это и еще разъ побуждаетъ своихъ слугъ къ стойкости, хотя у самого храбрость замѣтно падаетъ, и онъ оказывается склоннымъ даже къ нѣкоторымъ уступкамъ въ пользу невѣдомаго „царя славы“. Еще болѣе паденіе духа видно изъ отвѣта демоновъ на эту рѣчь Люцыпера; и въ этотъ моментъ у воротъ ада является Христосъ. Какъ видимъ, содержаніе этого эпизода въ драмѣ богатое и расположенное, пожалуй, не безъ драматическаго таланта, между тѣмъ какъ вирша не даетъ содержанія всего эпизода, но только выхватываетъ одинъ моментъ и на немъ сосредоточиваетъ все вниманіе слушателя, не утомляя его пересказомъ сложныхъ картинъ и контрастовъ, составляющихъ главный интересъ драмы, но неудобныхъ въ эпическомъ изложеніи, а особенно въ виршѣ, которая должна дѣйствовать несложными, но прямыми и выпукло проведенными штрихами.

Эпизодъ 3. Приближеніе Христа къ аду и пѣснь ангеловъ (ст. 34—41). Въ нашей драмѣ пѣснь эта, собственно двустипіе

Отчинѣте князи, врата ваша,

Входитъ во васъ царь славы

вложено въ уста самому Христу, но обыкновенно, какъ увидимъ ниже, въ пасхальной драмѣ слова эти поютъ ангелы такъ же, какъ и въ виршѣ. Быть можетъ, что такъ было и въ той редакціи драмы, по которой составлена вирша, но можно допустить и то, что авторъ обращался съ драмой довольно свободно и передѣлывалъ ее сообразно съ планомъ совершенно отличнымъ отъ того, какимъ руководствовался составитель драмы. Въ

этой догадкѣ укрѣпляетъ насъ особенно разсмотрѣніе слѣдующихъ эпизодовъ вирши.

Эпизодъ 4. Отвѣтъ Люцыпера на вызовъ ангеловъ, его обращеніе къ демонамъ и отвѣтъ этихъ послѣднихъ (ст. 42—64). Этотъ эпизодъ, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ „творческій“ методъ составителя вирши. Въ нашей драмѣ, какъ видимъ, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ мѣсту этого эпизода вирши, нѣтъ ничего аналогичнаго. Но тѣмъ не менѣе было бы натяжкой утверждать, что въ драмѣ вовсе нѣтъ ничего соотвѣтственнаго этимъ строкамъ вирши. Напротивъ, мы видимъ изъ 21 стиха, составляющаго этотъ эпизодъ вирши, цѣлыхъ 11 болѣе или менѣе дословно повторяющихся въ текстѣ нашей драмы. Составитель вирши подобралъ ихъ какъ то случайно, и поэтому эпизодъ этотъ страдаетъ нѣкоторой противорѣчивостью и несообразностью. Первая его часть (ст. 42—47)—отвѣтъ Люцыпера на ангельскую пѣснь, выставляетъ этого послѣдняго еще гордымъ и самоувереннымъ; здѣсь воспроизведены между прочимъ слова Люцыпера изъ болѣе ранняго эпизода драмы (ст. 362), гдѣ князь демоновъ побуждаетъ своихъ слугъ къ борьбѣ съ Христомъ. Но ежели эти слова въ этомъ мѣстѣ вирши еще можно понять, то уже совсѣмъ нельзя назвать умѣстными дальнѣйшихъ его словъ, обращенныхъ къ демонамъ (ст. 48—53), гдѣ Люцыперъ призываетъ своихъ слугъ совѣщаться, какъ бы имъ душу Христову удержать въ аду. Въ драмѣ это совѣщаніе есть, но въ самомъ почти началѣ; составитель вирши заимствовалъ отсюда почти всѣ свои стихи (Вирша ст. 48—50=Др. 142—144; Вир. 52—53=Др. 146—147). Отвѣтъ демоновъ на призывъ Люцыпера тоже почти цѣликомъ взятъ изъ роли Люцыпера и Ада въ нашей драмѣ (Вир. 54—55=Др. 294—295, Вир. 56—57 сравн. Др. 225—226 и 326—327). Въ концѣ отвѣта Люцыпера демонамъ взятъ опять таки изъ болѣе ранняго эпизода драмы (Вир. 60—64 сравн. Др. 175—176). Такимъ образомъ, этотъ эпизодъ вирши, повидимому столь живой и драматичный, оказывается въ сущности механическимъ конгломератомъ отрывковъ драмы, взятыхъ изъ разныхъ ея мѣстъ, пропущенныхъ составителемъ

вириши ранѣе и почему то вставленныхъ какъ разъ сюда, можетъ быть съ цѣлью достигнуть нѣкотораго замедленія въ разсказѣ.

Эпизодъ 5. Вступленіе Христа въ адъ и вопль Люцыпера (ст. 65—78). Этотъ эпизодъ для насъ очень интересный, какъ одно изъ лучшихъ доказательствъ, что вирша произошла изъ драмы довольно близкой къ нашему тексту. Въ ст. 65—66 мы видимъ прямое отраженіе замѣтки въ драмѣ, что „Христосъ входитъ въ пекло и освѣщаетъ своимъ промѣнемъ“, изъ чего составитель вирши сдѣлалъ двустипіе:

Между тымъ Христосъ и къ пеклу приближися,
То мрачное пекло свитомъ просвѣтися.

Вопль Люцыпера напоминаетъ вопль Ада въ драмѣ (ст. 447—448), да и дальнѣйшія его слова имѣютъ въ драмѣ свои параллели (Вирша ст. 73 сравни Др. ст. 95—96, вирша ст. 77 сравни Др. ст. 348, 350). Интересно здѣсь упоминаніе объ Іоаннѣ Крестителѣ, котораго Люцыперъ называетъ Иваномъ Косматымъ, совершенно подъ стать тому эпизоду, который отведенъ Іоанну Крестителю въ драмѣ (ст. 198—255). Что характернаго прозванія „Иванъ Косматый“ нѣтъ въ драмѣ—это ничего не доказываетъ; оно могло быть, но можетъ составлять собственность вирши, которая вообще любитъ употреблять пластичные эпитеты.

Эпизодъ 6. Христосъ разрушаетъ адъ, разговариваетъ съ Адамомъ и уводитъ спасенныя души съ собою (ст. 79—94). Первообразъ этого эпизода только отчасти сохранился въ драмѣ, которой текстъ здѣсь очень испорченъ и кромѣ того имѣетъ, кажется, между ст. 452 и 453 большой пробѣлъ; на это наводитъ насъ то обстоятельство, что въ ст. 452 говорящій персонажъ—Люцыперъ, между тѣмъ какъ въ слѣдующихъ стихахъ промовляетъ несомнѣнно Адъ („А мене, Ада“ и т. д.) Всмотриваясь въ содержаніе всей тирады (ст. 449—466), вложенной въ уста Люцыпера, мы тоже замѣчаемъ въ ней пробѣлъ: начальные четыре стиха обращены къ Христу, находящемуся въ аду, прочіе же—очевидно отрывокъ сѣтованій Ада послѣ ухода Христа изъ ада вмѣстѣ съ праведными душами, изъ коихъ въ

аду остался одинъ только Соломонъ. Вирша даетъ намъ возможность хоть приблизительно восполнить этотъ пробѣлъ, и на ея основаніи мы можемъ утверждать, что въ нашемъ текстѣ драмы утрачены: отвѣтъ Христа на вопросы Люцыпера, заключающіеся въ ст. 449—452, разговоръ Христа съ Адамомъ и Евой и въ концѣ его указаніе—оставить въ аду Соломона, который и самъ придумаетъ средство, какъ выбраться изъ ада.

Эпизодъ 7. Послѣ отшествія Христа съ праведниками Люцыперъ медленно приходитъ въ себя и, узрѣвъ Соломона, оставшагося въ аду, радуется, что хотя всѣ ушли, но самый умный человѣкъ остался таки у него (ст. 95—104). Въ драмѣ этому эпизоду соответствуетъ отрывокъ „хлѣпкой“ рѣчи Ада (ст. 453—466), которой начало утрачено. Обращеніе Ада къ Соломону въ виршѣ и драмѣ почти слово въ слово сходно (вирша ст. 103—104 сравни Др. ст. 465—466).

Эпизодъ 8. Соломонъ отвѣчаетъ, что ради него Христосъ еще разъ придетъ въ адъ; это наполняетъ Люцыпера такимъ ужасомъ, что онъ велитъ вытолкать его въ шею изъ ада (ст. 105—114). И этотъ эпизодъ воспроизводитъ драму довольно близко: рѣчь Соломона для выразительности нѣсколько распространена, между тѣмъ какъ приказъ Люцыпера въ виршѣ болѣе бруталенъ и грубъ, чѣмъ въ драмѣ, гдѣ Соломона только выпроваживаютъ изъ ада, но не выталкиваютъ въ шею. Оканчивается вирша, какъ уже было сказано, обычнымъ поздравленіемъ, драма же передаетъ еще слова Христа къ Аду, очевидно произносимыя изъ-за сцены и обѣщающія ему новыхъ плѣнниковъ, послѣ чего оканчивается торжественнымъ пѣніемъ Соломона.

Подробный анализъ содержанія вирши и сравненіе его съ содержаніемъ драмы показываетъ, что вирша въ общихъ чертахъ довольно вѣрно воспроизводитъ содержаніе драмы, иногда даже заимствуя изъ нея цѣлые стихи и двустишія; правда, въ одномъ или двухъ случаяхъ эта послѣдовательность теряется, и составитель вирши въ болѣе поздній моментъ дѣйствія вставляетъ эпизоды, которые въ драмѣ занимаютъ болѣе раннее мѣсто. Это обстоятельство, конечно, говорить тоже въ пользу совер-

шенной зависимости текста вирши от текста драмы. Далѣе сравненіе содержанія вирши съ содержаніемъ драмы дало намъ возможность открыть и по крайней мѣрѣ гадательно выполнить два важные пробѣла въ текстѣ нашей драмы: одинъ въ началѣ (эпизодъ съ Іудой), а одинъ при концѣ (разговоръ Христа съ Адамомъ, и можетъ быть и съ другими праведниками въ аду).

Но въ текстѣ нашей драмы есть и такіе эпизоды, которые не воспроизведены въ виршѣ. Это, во первыхъ, длинный разговоръ Люцыпера съ Адомъ въ началѣ нашего текста драмы, гдѣ Люцыперъ рассказываетъ о своихъ подвигахъ отъ созданія міра и строить планы на счетъ захвата души Христовой, Адь же, являющійся лицомъ болѣе авторитетнымъ и разсудительнымъ, высказываетъ свои опасенія на счетъ Христа и совѣтуетъ оставить его въ покоѣ. Мы въ дальнѣйшемъ изложеніи коснемся еще этой не совсѣмъ обыкновенной персонификаціи—Ада, здѣсь же должны замѣтить, что можетъ быть именно эта необычность представленія Ада, какъ живого *лица*, а не какъ *мѣста* казней, и была причиной, почему составитель вирши пропустилъ этотъ эпизодъ. Авторъ драмы могъ рискнуть такой вещью, такъ какъ сценическое искусство давало ему возможность представить ее пластично глазамъ зрителей, но авторъ вирши, обращающійся только къ слуху безъ помощи зрѣнія, долженъ былъ вращаться въ кругу привычныхъ публикѣ понятій, иначе онъ рисковалъ быть темнымъ и непонятнымъ.

Второй эпизодъ драмы, пропущенный составителемъ вирши—это сцена между Люцыперомъ и Іоанномъ Крестителемъ. Сцена эта, особенно же рѣчь Люцыпера, обращенная къ Іоанну, выдержана въ тонѣ бурлеска и должна была быть очень по вкусу составителя вирши, а между тѣмъ онъ совершенно оставилъ ее безъ вниманія и едва вскользь упомянулъ объ Иванѣ Косматомъ, да и то въ связи съ совершенно другимъ кругомъ представленій. Можно предположить, что составитель вирши имѣлъ подъ рукою текстъ нашей драмы, не заключающій этого эпизода, а можетъ быть, что текстъ вирши въ этомъ мѣстѣ неполный. Во всякомъ случаѣ, и эта несхожесть вирши съ драмой не мо-

жетъ служить доказательствомъ противъ зависимости Изюмской вирши отъ Пасхальной драмы, въ общемъ планѣ тождественной съ той, коей неисправный и неполный текстъ дошелъ до насъ въ спискѣ Ф. Кышко.

Установленіе этой тѣсной связи Изюмской вирши съ драмой даетъ намъ *очень важный историко-литературный фактъ*. Во первыхъ, оно бросаетъ яркій свѣтъ на темную до сихъ поръ и мало изслѣдованную исторію такого характернаго для южнорусской литературы жанра, какъ духовная вирша, и позволяетъ, такъ сказать, подмѣтить самый процессъ составленія вирши, оцѣнивать и взвѣшивать тѣ или другія побужденія и соображенія ея составителя, а во вторыхъ, документы, введенные нами въ дѣло при этомъ изученіи, отысканы на огромномъ разстояніи другъ отъ друга, одинъ въ Лѣвобережной Украинѣ, второй въ Галицкомъ Подгорьѣ, въ уголкѣ, который, начиная со временъ Владиміра Великаго вплоть до настоящаго дня, жилъ отдѣльной отъ Лѣвобережной Украины политической жизнью, входилъ и входитъ въ составъ совершенно отличныхъ и во многомъ рѣзко отъ прочей Южной Руси обособленныхъ политическихъ организмовъ. Тѣсная, преемственная связь Изюмской вирши съ Пасхальной драмой указываетъ на то, что, не смотря на политическую разрозненность, среди малорусскаго народа живы до сихъ поръ и однородны на всемъ пространствѣ его расселенія не только тѣ древнія преданія, пѣсни, вѣрованія и обычаи, которые обыкновенно составляютъ область этнографіи, но живы также тѣ литературныя, книжныя традиціи, которыя начали было вырабатываться въ концѣ XVI и въ XVII вѣкахъ, но которымъ по разнымъ историческимъ обстоятельствамъ не было суждено развиваться болѣе полнымъ образомъ и сдѣлаться рычагомъ болѣе мощной, общенародной культуры. Не смотря на всю свою скудость и бѣдность, эти начатки новой культурной работы находили благодарную почву среди южнорусскаго народа, проникали въ массу, особенно городскую, болѣе грамотную, и дѣлались ей дороги. И какъ чешскіе Гуситы, послѣ побѣды реакціи, послѣ ухода изъ родины на изгнаніе, утѣшались тѣмъ, что, помимо потери всего имущества, всего, что имъ было

мило и дорого въ родной странѣ, имъ удалось спасти, какъ самую большую драгоцѣнность—„Кралицкую Библію“ и „Лабиринтъ міра“, такъ и Южноруссы, принужденные во второй половинѣ XVII в. бросать едва развившіеся центры умственной и культурной жизни на Волини, Подольѣ и Правобережной Украинѣ и искать убѣжища въ непроглядныхъ степяхъ Слободщины, не забывали захватывать съ собою книгъ и даже рукописныхъ произведеній новаго въ Южной Руси драматическаго искусства, какъ залога дальнѣйшаго развитія на болѣе широкомъ, но все же цѣльномъ и однородномъ базисѣ. Намъ кажется, что именно такую была судьба нашей Пасхальной драмы. Составленная въ первой половинѣ XVII в. на правомъ берегу Днѣпра, она быстро сдѣлалась популярной и распространялась не только съ подмоштьевъ, сооружавшихся по городамъ въ Страстный Пятокъ, или въ самой церкви, или внутри церковной ограды для представленія страданій, смерти и воскресенія Спасителя, но и въ рукописяхъ, какъ назидательное чтеніе. И когда религіозная драма пришла въ упадокъ, она въ Лѣвобережной Украинѣ сократилась въ виршу и въ этой новой формѣ живетъ до сихъ поръ въ памяти народной, между тѣмъ какъ въ своей первобытной родинѣ она подвергалась совершенному забытію и только случайно уцѣлѣла въ записной тетради полуграмотнаго крестьянина.

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса объ источникахъ нашей Пасхальной драмы, мы должны прежде всего остановиться на такъ называемомъ евангеліи Никодима, апокрифическомъ сочиненіи, которое когда-то и въ южной Руси пользовалось большой извѣстностью, и котораго вторая часть рассказываетъ о сошествіи Христа въ адъ и объ освобожденіи оттуда душъ праведниковъ. Литературную исторію этого знаменитаго апокрифа разработали въ послѣдніе годы два славянскіе ученые, Юрій Поливка и М. Сперанскій ²⁾, съ такой полнотой и подробностью, что я не

²⁾ *Jiri Polivka*, *Evangelium Nikodemovo v literaturách slovanských* (Časopis Mus. Kr. Českého, 1891), str. 440 *М. Сперанскій*, *Славянскія апокрифическія евангелія (общій обзоръ)*. Москва 1895, стр. 55—82.

буду на ней останавливаться, но воспользуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи фактами, какіе добыты этими изслѣдованіями.

Никодимово евангеліе дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: полной и краткой. Полная редакція, это собственно механическій сводъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій, писанныхъ разновременно и разными авторами, именно—такъ называемыхъ Дѣяній Пилатовыхъ (*Acta Pilati*)—апокрифическаго разсказа о мученіяхъ и смерти Иисуса, и Сошествія Христа въ адъ (*Descensus Christi ad Inferos*)—сочиненія, приписываемаго въ самомъ текстѣ Левкію и Харину, сынамъ Іосифа Богопріимца, воскресшимъ изъ мертвыхъ послѣ крестной смерти Иисуса и написавшихъ на требованіе іерусалимскаго синагогіона разсказъ о томъ, что они видѣли въ аду во время, когда въ него сошелъ Христосъ. Оба эти сочиненія написаны по гречески и долгое время существовали независимо другъ отъ друга; только въ болѣе позднее время они были соединены въ одно цѣлое и въ такомъ видѣ переведены на латинскій языкъ. Въ греческомъ текстѣ существуютъ *Acta* отдѣльно отъ *Descensus'a*, и это есть краткая редакція, которая имѣется также въ славянскихъ переводахъ съ греческаго. Текста *Descensus'a* отдѣльно отъ *Acta* нѣтъ. Въ латинскомъ переводѣ, который въ средніе вѣка былъ очень распространенъ въ западной Европѣ и имѣлъ громадное вліяніе на развитіе западно-европейскихъ литературъ, краткой редакціи нѣтъ, а есть только полная, т. е. сводная редакція обѣихъ сочиненій съ упрочившимся за ней съ IX в. названіемъ Никодимова евангелія.

Сравнивая славянскіе рукописные тексты этого апокрифа съ текстами греческими и латинскими, названные славянскіе ученые пришли къ интересному и довольно неожиданному выводу, что полная редакція Никодимова евангелія, имѣющаяся въ славянскихъ спискахъ, впрочемъ довольно рѣдкихъ, церковно-славянскаго перевода, восходящаго, по словамъ М. Сперанскаго, „едва ли не къ первымъ вѣкамъ христіанства у славянъ, во всякомъ случаѣ къ начальному періоду славянской литературы“ (*М. Сперанскій*, *op. cit.* 58), сдѣлана не съ греческаго оригинала, а съ латинскаго перевода этого апокрифа. Только позже

и независимо отъ этого перевода сдѣланъ былъ переводъ съ греческаго самыхъ Дѣяній Пилатовыхъ (краткой редакціи) безъ „Сшествія въ адъ“, и этотъ переводъ получилъ довольно большое распространеніе у южныхъ славянъ и на Руси. Правдоподобно, что на Руси къ этому тексту краткой редакціи апокрифа былъ присоединенъ сокращенный пересказъ „Сшествія“, и такимъ образомъ возникла особая редакція апокрифа, „смѣшанная“, по выраженію М. Сперанскаго, и не совпадающая ни съ однимъ изъ иноземныхъ текстовъ (ор. cit. 69).

Насъ интересуетъ здѣсь только вторая часть апокрифа т. е. Descensus, такъ какъ эта часть именно и была основаніемъ нашей и вообще западно-европейской Пасхальной драмы или тѣхъ ея эпизодовъ, гдѣ представлялось сошествіе Христа въ адъ. Мнѣ извѣстны два южно-русскіе списка по полной редакціи Никодимова Евангелія: Вѣнской надв. бібліотеки, содержащій въ началѣ Палею, пожертвованный въ 1643 г. изъ г. Ковля на Волыни одному изъ Афонскихъ монастырей и оттуда попавшій въ Вѣну, писанный въ XVI в., и списокъ начала XVII вѣка, обрѣтающійся въ рукописномъ сборникѣ № 69, принадлежащемъ Василианскому монастырю въ Краковѣ, Жолковскаго округа въ Галиціи. Такъ какъ я не успѣлъ списать всего текста интересующаго насъ апокрифа изъ Вѣнскаго (собственно Ковельскаго) списка, то пользуюсь однимъ только Краковскимъ спискомъ, изъ коего выписываю мѣста, которые нашли себѣ отраженіе въ нашей драмѣ.

Каринъ и Лысинъ (въ заглавіи онъ называется „Лицѣюшъ“ = Lucius, Leucius), повинуваясь заклѣтію архіереевъ, велѣли подать себѣ бумаги и каждый отдѣльно написавъ слѣдующій рассказъ: „Егда бѣхом со всѣми отци нашими посажені въ преглубинѣ во тмѣ несветиме, нагло сѣтворенно быс[тъ] злато зерньце, лицемъ препрѣнномъ и царскій венець просвѣщая насъ ты вѣставля чловѣчъ родъ, в купе Адама съ всѣми предними отци и пророки возвеселящися рѣша: отъ свѣта Вышняго свѣтъ вѣчныи сѣи ес[тъ] еже намъ обѣща послати равновѣчныи свои свѣтъ“. Исаія цитируетъ свое пророчество, послѣ чего приходитъ Симеонъ Богопріимецъ и рассказываетъ, какъ онъ держалъ на сво-

ихъ рукахъ младенца Іисуса и узналъ въ немъ Спасителя рода челоѡческаго. „Си слышаса все множество дивящесѧ възрадова-шас[я] и потомъ прииде Креститель и вопросиша и всѣ: кто ты еси? онъ же отвѣщавъ рече: азъ есмь пророкъ Вышняго предгрядый предъ лицемъ пришествія его въ отданіе грѣховъ и видѣхъ приходяща его ко мнѣ, принуженъ Духомъ Святымъ исповѣдая рѣхъ: изыде се агнецъ Божій вземлаи (sic!) грехи всего мира! и крестихъ и въ Иерданскеи речѣ, и видѣхъ Духъ Святый долу грядущъ на нъ въ образе голубинѣ, и слышахъ гласъ[сѧ] небеси рекущъ: се естъ сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ и ныне предъ лицемъ его предвозвести вамъ яко приближилъ ся ес[тъ] посетити насъ, превыше сы[и] Сынъ Божій отъ вышняго, издавна сядущемъ намъ во тмѣ ѧ сѣни смертней“. Адамъ услышавъ, что Іисусъ крестился во Іорданѣ, велитъ сыну своему Сіеу разсказать, что возвѣстилъ ему архангелъ Михаилъ, когда борясь со смертію Адамъ послалъ было его къ раю спросить оттуда деревяннаго масла для утоленія его боли. Сіеъ разсказываетъ, какъ архангелъ Михаилъ сказалъ ему тогда, что черезъ 5555 лѣтъ на землю придетъ возлюбленный Сынъ Божій, который долженъ креститься въ Іорданѣ и спасти весь родъ челоѡческій, въ томъ числѣ и отца его Адама.

„Си всѣмъ слышащимъ отъ Сифа предніи отца вси и пророци возвеселишас[я] велиею радостію. и егда веселихусѧ вси Святіи, ѡшедъ предніи князь Діаволь смертныи и реч[е] ко Аду прияти Іисуса иже славите[я] Сынъ Божій и со челоѡвѣкъ естъ бояся смерти, реч[е] бо: прискорбна ес[тъ] душа моя до смерти. И много противляется зло творѧ много: аже азъ слѣпыи, хромыи, горбатыи, оуродивыи, глухыи, трудны сѣтворихъ, онъ словомъ исцѣляя (дб. исцѣли я). Но оуже азъ мертвыи къ тебѣ, и отъ тебѣ живы извед[е]. И отвѣща Адъ реч[е] къ Сотонѣ преднему: которыи той ес[тъ] обладыи, да естъ челоѡвѣкъ сеи бояся? вся оубо власть земная моеи области покорны соутъ и обѧти, яж[е] ты повинны приведе твоею областію, аще оубо владычествуя ты еси, какъ естъ челоѡвѣкъ той Іисусъ, бояся смерти, власти твоеи противляется? аще тако владыи ес[тъ] въ челоѡвѣчествѣ семъ, истинно ти реку, всемогій въ Божествѣ,

и области его никто же можетъ противитис[я]. Глаголю ти оубо яко яти та хочеть, и горе тебе въ вѣчнои моуцѣ боудеть. И отвѣщая неприязнь предни[и] къ Адоу реч[е]: что размышляеши и боишися прияти Ісуса? противникъ ес[ть] мой и твѣй. Азъ искусихъ и, и старейшины жидовскія навадихъ нанѣ и въ гнѣвъ противу ему, наострихъ коніе въ прободеніе его, желчь и оцетъ смѣсихъ дати ему пити и древо приготавихъ распяти и. И приближилася ему смерть, да приведа и къ тобѣ покорива мнѣ и тобѣ. Отвѣщавъ адъ и глагола: аще той ес[ть], иже мертвыя отъ мене извлече? то суть иже отъ мене здѣ одержимыя, живы бо на землю отъ мене мертвыя возимая областію Божіею и ко Отцу Богу своему молбою. То бо есть Всемогій Богъ и творя вся яж[е] хочеть. Тои ли ес[ть] Іисусъ, иж[е] словесемъ своимъ мертвыя отъ мене изведе? непыщая, яко той ес[ть]—той бо Лазаря смердяща разгнѣвшася и четырехъ дней, его же азъ держахъ мертва, той же востави жива чресъ слово власти твоеи (дб. своеи). Отвѣщая Аду диаволъ реч[е]: той истый есть Іисусъ! Си слышавъ Адъ рече къ нему: заклинаю тя силами моими двоими, да не приведеша его ко мнѣ! азъ бо тогда, егда слышахъ заповѣдь словесе, востряхъ проторженъ боязнию, и вси нечестыи потяжници вкупѣ смущени быша, ни того же Лазаря оудержати могъ, но сътрясаяся яко орелъ всею быстротою и скоростію и скочивъ вонъ грядый отъ насъ; и сама земля яже держала Лазарево тѣло мертво, и скоро абие вда его жива. Тѣмъ же нынѣ азъ вѣмъ яко человекъ, иже можетъ то сътворити, Богъ силенъ ес[ть] и въ власти влады и въ человекѣствѣ Спаситель ес[ть] роду человечю. И аще приведеша и ко мнѣ, и вси иже суть здѣ въ пристранѣ неразрешающейсѣ оузѣ грѣх[а]ми въкlescени¹⁾, разрешаетъ, и въ жизнь Божияго Божества своего приведетъ.

И егда же си[и] между собою глаголаша Сотона [и] предній Моука [и] сотворенъ быс[ть] гласъ яко громъ и духовъ граи: възмѣте врата предняя и възмѣтесѣ врата вѣчная, и внидетъ Царь славы. Си слышавъ Адъ реч[е] къ Сотонѣ преднему: ищезни отъ мене вонъ! иди отъ моихъ сѣдалищъ! аще убо владыи про-

¹⁾ На полѣ для объясненія добавлено: связани.

тивникъ еси, борися съ царемъ славы. Что ес[ть] тебе съ нимъ? И изгна Адъ Сотону отъ сѣдалищъ своихъ, и рече Мукамъ своимъ, нечестивымъ послушникомъ: запрете врата съ пристранная мѣдная и затворы желѣзны забійте и сильно противитесь, да не буде оу[бо] боятис[я] держати обіатія. Си слышаще все множество святыхъ гласомъ велимъ рѣкоша ко Адоу: отверзи врата твоя и внидетъ царь славы. И възни Давидъ [царь] и пророкъ реки[и]: воле ты! егда бѣхъ жилъ на земли, прежде поведяхъ вамъ: исповѣдайтесь Господеви и милости его, и чюдеса его Сыномъ человѣчьскимъ, и иже раздроуши врата мѣдная и затворы желѣзныя сломи, приять ихъ отъ пути неправды ихъ. И потомъ же реч[е] Исаія ко всѣмъ святымъ: волѣ! и азъ бѣхъ егда на земли живъ, прежде повѣдахъ вамъ: встануть мертвіи и въскреснутъ и иже въ гробѣхъ суть, и веселящися по земли суть, имѣж[е] роса, яже ес[ть] отъ Бога, исцѣленію имъ ес[ть], земля ж[е] нечестивыхъ падеть. И яко пакы рѣхъ: гдѣ ты смерти жало? где ти аде побѣда? Си слышаще святіи отъ Исаія рѣша ко Аду: отверзи врата твоя, нынѣ преборенъ еси и изнѣмогая, не влады собою будеши. И быс[ть] гласъ велии яко громъ рекый: отимете врата предняя ваша, и возмете ся врата вѣчная и внидетъ царь славы! Видяже Адъ яко двократы възваша, яко невѣдый изъ оутрь Адоу рече: кто есть тои царь славы? И отвѣщая Давидъ ко Аду рече: сей гласъ разумѣю, понеже азъ его духомъ пророчествовахъ и нынѣ предповѣстоую ти: силы тѣ крѣпокъ и силенъ, человѣкъ силенъ во брани, тои ес[ть] царь славы, и той самъ Господь съ небеси на землю призрѣ оуслышати воздыханіе окованныхъ, раздрѣшити сыны оумерщвленныхъ и нынѣ сквернѣйшая и смердящія муко, отверзи врата твоя, да внидетъ Царь славы! Си рекущу Давиду ко Аду прииде царь славы во образѣ человѣчи, человѣкъ пресыльных, и вѣчныя претны, просвѣти, неразрѣшимыя оузы преторже, посѣти насъ сидящая во тмѣ грѣховней. Си видя Адъ и Смерть и безчестны[и] послужители ею съ злыми потяжники и вострясися во властныхъ областяхъ ихъ, познавше тако великъ свѣтъ во свѣтлости. Егда Господа на гловнихъ сидящъ оузрѣша, и возпиша рекуще: прес[и]лени есмы отъ тебе! Кто ты еси отъ Бога псланъ ко области

нашей? Кто ты еси страшный и стлѣнию непреборимая сила, пресильный въ лютосердіе наше? попираеши область нашу! Кто ты еси тако грѣдн, малъ си и покоривъ вышше небесъ, царь во образѣ раби, и дивенъ супостатъ, и царь славѣ, мертвъ и живъ. Егда же крестъ держа убиенъ быс[ть], и мертвъ лежа во гробѣ, живъ къ намъ прійде, и въ твою смерть вся востра-сеся, твари вся восколебавшася, и нынѣ восталъ еси и мерт-выя свободжаеши и безчисленная наша смешая. Кто еси ты, и иж[е] прѣвыми грѣх[а]ми связаны отдержими бѣху, разрѣшаеши странны и во свободу перву ведеши? Кто еси ты, и еже грѣх[а]ми тмы ослеплены, Божіаго свѣта сіяніемъ, властію ты просвѣщаеши? та мож[е] сущая о діаволѣ вся множества вкупѣ оужасашас[я] страхомъ и боязнию претрѣжени, единѣмъ гласомъ возпиша рекуще: откоудоу еси? и се тако крѣпокъ челоуѣкъ чистъ и сияя силою тако, яко не можемъ зрѣти и отъ начала смертнаго и весь вѣкъ земный, иже намъ бѣ преданъ доселѣ присно, и въ нашей жизни не бѣ въ насъ никогдаж[е] въ мерт-выхъ таковаго челоуѣка посланна, никого, да такоаго царства адъскимъ посланна быша. Кто убо ты еси, иже тако безъ страха въ наша предѣлы ютръ вшелъ еси? и не то едино, нѣ и наша мукы не боишися, и верху того и вся отъ насъ изяти хочеши. Непщюемъ, егда ты еси Іисусъ, о немже старейший нашъ діаволъ повествоваше, да твоеа рад[и] смерти крестныя все челоуѣчество властію ти изведеши отъ насъ? и во скорѣ абие тогда Царь славѣ, Господь крѣпокъ силою своею, поправъ смерть и имъ Діавола связа [и] предасть и муце вѣчнѣй и изведе Адама во свое пресвѣтлоство. Тогда Діаволъ сваримъ Адомъ и Смертію и множествомъ нечистыхъ духовъ реч[е] къ нему: воле ты начал-ниче пагубѣ и князь пустыни, Вельзауле, и обруганне отъ ан-гелъ божіихъ и враже праведнымъ! чему то сѣтвори тако, царя славѣ на крестъ восткнути хотѣвъ, и того непщева умрети, и толь многу користь си обѣща сѣтворити, невлады и яко несмы-слена мя содѣла. Смотри уже, се Іисусъ божества своего сияни-емъ прогна вся тмы смертныя, и твердыя темница имъ разломи и вонъ изятъ одержимыя, разрѣши ужники вся; иже подъ на-шими обыкоша въздыхати муками, ругаются намъ, и отъ кори-

сти ихъ будутъ избранни, власти наша и владычества премо-
жена суть, и ни малый уже боится насъ родъ человѣчъ. Врѣху
того же и силно намъ претять, имже никогда же намъ возмо-
зиви бяху мертви и никогдаже не можааху веселитися стран-
ни. Воле ты, предни Сотоно, всему злу начальникъ и первый
муко! ты прежде сего на Іисуса прю изыска злу, и ни единаго
грѣха обрѣте въ немъ. Какож[е] безъ вины не испытавъ его на
крестѣ вѣстѣннати смѣаше и въ нашу область безъ долга при-
вести и отъ вѣка держимыя погуби! Егда же то глагола Ада
ко Дияволу, тогда царь славе реч[е] къ Аду: буди Дияволъ подъ
областію твоею въ вѣки вѣка на мѣсте Адамля праведнымъ судомъ
моимъ! И рече Господь простеръ руку свою: приид[ѣ]те вси
святїи мои ко мнѣ, выже имате подобие образа моего, иж[е]
древа Дияволя дѣля смертію осуждени бѣсте, нынѣ же видите
древомъ Дияволя и смерть осудихъ. И яко тако реч[е], вси
святїи подъ рукою господнею быша. И держа Господь десницу
Адамлю рече къ нему: миръ тобѣ со всѣми чады твоими! Адамъ
ж[е] на ногу Господню согнувся паде и со слезною молитвою
реч[е]: Вознесу тя, Господи, яко подять мя и нѣси возвеселилъ
врагъ моихъ о мнѣ! Ты Господь Богъ мой, возопихъ къ тобѣ
и[с]цѣлїи мѣя еси и изведѣ отъ Ада душу мою, и избавилъ
мя еси отъ низходящихъ въ ровъ. Пойте Господу вси святїи
его, исповедайте память святыня его! яко гнѣвъ во ярости его
и животъ въ воли его; також[е] вси святїи его, колѣна преклонъ-
ше на ногу Господню, единѣмъ гласомъ рѣша: Прииде избавитель
вѣкомъ, якож[е] закономъ и пророки прежде возвести и дѣлы
исполни; избави ны животворящимъ крестомъ си, и смерти ради
крестныя сниде къ намъ и избави ны отъ смерти адовныя си-
лою твоею, Господи! якоже постави писма славы твоея на небе-
сѣхъ, и вышнее исполни писма, крестъ твой постави на земли,
Господи, во адъ знамение побѣды креста своего, смерть бо не
обладаетъ потомъ. И простеръ Господь руку свою сотвори зна-
мение крестово на Адамѣ и на всѣхъ своихъ святыхъ и держа
десницу Адамлю выпрѣ иде изъ ада, и вси святїи послѣдствую-
ще быша Богу“.

Дальнѣйшїй текстъ Никодимова евангелїя передаетъ радост-
ное пѣніе Давида, Аввакума и другихъ пророковъ и пришествїе

праведниковъ въ рай; для изученія нашей драмы эта часть апокрифа не представляетъ никакого интереса и потому мы ее и не выписываемъ. Но за то та часть, которую мы выписали, при сравненіи ея съ нашей похальной драмой увеличиваетъ интересность ея изученія. Перечитывая текстъ апокрифа, мы видимъ, какъ много бралъ авторъ драмы изъ этого послѣдняго, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуя ему рабски, но передѣлывая его соотвѣтно особымъ цѣлямъ драмы, вставляя новые эпизоды, расширяя то, что въ апокрифѣ затронуто было вскользь, или пропуская и сокращая то, что въ апокрифѣ рассказано широко. И такъ, во первыхъ, изъ апокрифа взялъ авторъ драмы удивившую насъ прежде персонификацію Ада, какъ верховнаго князя тьмы; въ апокрифѣ также, какъ и въ нашей драмѣ, между Адомъ и Діаволомъ существуетъ разногласіе на счетъ Иисуса; Діаволь собирается съ силами, чтобы не только убить Иисуса, но и поймать его душу и запереть ее въ адъ вмѣстѣ съ другими, между тѣмъ какъ Адъ совѣтуетъ дѣйствовать поосторожнѣе съ Иисусомъ, котораго силу онъ узналъ по случаю воскрешенія Лазаря. Это разногласіе между Адомъ и Діаволомъ доходитъ до того, что въ критическій моментъ приближенія Христа къ дверямъ адскимъ Адъ изгоняетъ Діавола изъ своей крѣпости—сцена очень драматичная, но почемуто оставленная безъ вниманія авторомъ нашей драмы. Вмѣсто этого эпизодъ съ Іоанномъ Крестителемъ, въ апокрифѣ довольно блѣдный, авторъ драмы передѣлалъ въ яркую драматическую картину, ежели монологъ Люципера, обращенный къ Крестителю, представить себѣ какъ сопровождавшійся драматическимъ дѣйствіемъ діаволовъ, которые по велѣнію Люципера должны были заготовлять „пекельный квасокъ“ и подавать Крестителю расплавленную смолу.

Не изъ апокрифа взялъ, но въ видахъ сценической живости создалъ авторъ драмы эпизодъ съ воеводами діавольскими, которые являются другъ послѣ друга и возвѣщаютъ все новыя происшествія, при чемъ три первые приносятъ извѣстія все болѣе и болѣе радостныя для Люципера, но за то два послѣдніе возвѣщаютъ ему приближающееся его пораженіе. Въ апокрифѣ, какъ видимъ, хотя и упоминается о „потужникахъ“, „прислужникахъ“, „мукахъ“ Адовыхъ, но они не исполняютъ роли пословъ.

Также и послѣдній эпизодъ драмы — оставленіе Іисусомъ Соломона въ аду и его освобожденіе оттуда собственнымъ промысломъ — заимствованъ авторомъ драмы не изъ апокрифа, въ которомъ о Соломонѣ совсѣмъ даже не упомянуто. Такимъ образомъ сравненіе нашей драмы съ соотвѣтствующимъ ей отрывкомъ Никодимова евангелія не приводитъ насъ ни къ какому рѣшительному заключенію. Какъ извѣстно, всѣ пасхальныя драмы въ Европѣ, представлявшія также сошествіе Христа въ адъ, основывались на томъ же евангеліи Никодима, заимствовали изъ него весь остовъ драматическаго дѣйствія, сокращая или совершенно устраниая одни эпизоды, расширяя или вставляя другіе. Значить, вездѣ въ Европѣ, гдѣ только мы встрѣтимъ пасхальную драму, изображающую сошествія Христа въ адъ, мы замѣчаемъ, конечно въ большей или меньшей мѣрѣ тоже литературное явленіе, что и у насъ. Вопросъ не въ томъ, основана ли извѣстная пасхальная драма на евангеліи Никодима, потому что оно легло въ основаніе всѣхъ драмъ того рода; вопросъ въ томъ, составляетъ ли данная драма передѣлку непосредственно изъ апокрифа, или же она передѣлана изъ какой нибудь другой пасхальной драмы, переведена съ какого-нибудь другаго языка. Такимъ образомъ вопросъ объ источникахъ нашей драмы есть собственно вопросъ о большей или меньшей степени литературнаго, собственно драматическаго творчества у ея автора, о болѣе или менѣе слѣпомъ заимствованіи или рабскомъ подражаніи. Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, въ литературѣ предмета не былъ до сихъ поръ поставленъ съ достаточной опредѣленностью, быть можетъ потому, что для его рѣшенія у насъ слишкомъ мало собрано и разработано матерьяла. И не у насъ однихъ. Исторія польской старой драмы, не смотря на объемистые труды Вишневскаго, Войцицкаго, Естрейхера и новыя изслѣдованія Неринга, Брюкнера и др., до сихъ поръ темна и состоитъ изъ отрывочныхъ извѣстій и библіографическихъ указаній на неизвѣстныя никому книги и рукописи. Текстовъ церковныхъ драмъ и мистерій извѣстно очень мало. А между тѣмъ это несомнѣнный фактъ, что религиозная драма пришла въ южную Русь съ запада, именно изъ Польши, и за все время своего существова-

нія, т. е. до появленія „Наталки Полтавки“ Котляревського стояла подъ польскимъ вліянiємъ. Поѣтому естественно является заключеніе, что южнорусская религіозна драма не только какъ общее историко-литературное явленіе заимствована изъ Польши, но что каждая южнорусская религіозна драма есть ежели не прямой переводъ, то по крайней мѣрѣ передѣлка какого нибудь затраченнаго польскаго оригинала. Къ этой мысли склонялся и пок. М. Драгомановъ въ своей статьѣ объ Изюмской виршѣ (Ватра, стр. 127—128), хотя не могъ указать драмы, которую бы можно считать прямымъ оригиналомъ какъ этой вирши, такъ и южнорусской драмы, послужившей матеріаломъ для ея составленія. Правда, онъ указалъ на нѣкоторые мѣста въ нѣмецкихъ „*Rassionsspiele*“, напминающія своей концепціей поодинокіе эпизоды вирши, значить и драмы южнорусской, и эти указанія очень цѣнны. Но драмы, особенно польской, которую можно бы считать прототипомъ нашей, кажется, нѣтъ. Правда, мы имѣемъ извѣстія о польскихъ „діалогохъ“, въ которыхъ какъ эпизодъ евангельской исторіи страданій, смерти и воскресенія Спасителя, представлялось также его сошествіе въ адъ, но это былъ только эпизодъ, а не особое драматическое цѣлое. Г. Хоментовскій въ своей исторіи польскаго театра ¹⁾ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ хелминскаго діалога. Керберъ, сторожъ ада, говоритъ къ Люциперу:

Gościa mamy, Lucyperze,
Jezusa Nazareńskiego,
Z chorągwią jakąś czerwoną,
Krzyżem napieczętowaną.

Люциперъ:

Jużci źle, bracie Cerberze,
Pewność nam wszystko pobierze.
Tu Kapłani, prorokowie,
Więc znamienici panowie—
Biada, jeśli postradamy.

¹⁾ *Wł. Chomętowski, Dzieje teatru polskiego od najdawniejszych czasów dor. r. 1750. Warszawa 1870, стр. 86—87.*

Керберъ:

Niezbędni dziadowie oni
 Chociaż tuż są we złej toni,
 Śmiele sobie rozkazuja,
 Musi być — Jezusa czują.
 A najbardziej pan Adamek,
 U nas najprzedniejszy panek.
 Trzeba by go poczęstować,
 Z pół garnca mu smoły podać,

Адамъ:

Wypijesz ją sam, poczwaro!

Какъ видимъ изъ этого отрывка, эпизодъ о сошествіи Спасителя въ адъ въ хелминскомъ (а также очень близкомъ къ нему ченстоховскомъ) діалогѣ хотя и созданъ на канвѣ разсказа Никодимова евангелія, но далекъ отъ него на много болѣе, чѣмъ наша драма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что въ польскомъ діалогѣ Адаму приписана роль нѣсколько похожая на ту, какую въ нашей драмѣ играетъ Іоаннъ Креститель, включая даже до намѣренія чертей—угостить его смолой. Такъ какъ Никодимово евангеліе въ Польшѣ очень мало было извѣстно¹⁾, то мы едва ли ошибемся, предполагая, что интересующій насъ эпизодъ польскихъ діалоговъ былъ только передѣлкой относительныхъ эпизодовъ нѣмецкихъ или французскихъ пасхальныхъ драмъ; въ этомъ укрѣпляетъ насъ и то обстоятельство, что эпизодъ этотъ въ польскомъ діалогѣ получилъ нѣкоторую классическую закраску (Керберъ), чуждую той сферѣ миѳическихъ представленій, въ какой вращается Никодимово евангеліе. И въ этомъ отношеніи южнорусская пасхальная драма послѣдуетъ польской, вводя демона Венеру, какъ одного изъ воеводъ—помощниковъ Люципера. Но при всемъ томъ, судя даже по приведенному отрывку хелминскаго діалога (онъ сохранился въ рукописи XVII в.), нельзя утверждать, чтобъ онъ могъ быть оригиналомъ нашей драмы.

¹⁾ Евангеліе Никодима было переведено на польскій языкъ Кіевскимъ бискупомъ Верещинскимъ, какъ свидѣтельствуется объ этомъ Клѣновичъ въ своемъ предисловіи къ польскому переводу Устава св. Бенедикта (1597 г.): „Widzialem też uważenia godną Ewangelią Nykodema S. przez W. M. na Polskie przetłumaczoną“. Къ сожалѣнію этотъ переводъ не былъ напечатанъ. Насколько онъ могъ распространиться въ рукописныхъ копіяхъ, сказать трудно.—Ред.

Правда, мы не имѣемъ текстовъ болѣе древнихъ польскихъ діалоговъ XVI в., среди которыхъ самый интересный для насъ долженъ бы быть знаменитый доминиканскій діалогъ, выставленный въ Краковѣ 1533 г., состоявшій изъ восьми дѣйствій, котораго представленіе продолжалось три дня сряду ¹⁾. Но судя по всѣмъ извѣстіямъ, какія мы имѣемъ о немъ, это была циклическая мистерія въ родѣ тѣхъ, какія въ XV стол. создали во Франціи Арнольдъ Гребанъ, Жанъ Мишель и ихъ многочисленные послѣдователи; сошествіе Іисуса въ адъ было здѣсь тоже только однимъ изъ эпизодовъ. Разумѣется, это совсѣмъ не мѣшаетъ, что наша драма можетъ быть именно обработкой одного такого эпизода, но и здѣсь мы опять останавливаемся передъ вопросомъ: была ли она переводомъ, болѣе или менѣе близкимъ подражаніемъ, болѣе или менѣе самостоятельной передѣлкой чужаго оригинала.

Не имѣя возможности на почвѣ польской рѣшить интересующій насъ вопросъ, мы должны обратиться туда, откуда составители польскихъ религіозныхъ драмъ брали готовые образчики этого рода сочиненій, а иногда даже цѣлыя сочиненія, которыя они переводили или передѣлывали соотвѣтно вкусамъ и привычкамъ польской публики, т. е. къ религіозной драмѣ западной Европы, а главнымъ образомъ Франціи и Германіи. Не вдаваясь въ пересказыванье извѣстныхъ фактовъ, относящихся къ началу драматическаго искусства въ средневѣковой Европѣ, мы припомнимъ только нѣкоторые общія положенія. Средневѣковая драма западной Европы развилась изъ литургической драмы, составленной на латинскомъ языкѣ и бывшей нѣкоторое время какъ бы интегральной частью богослуженія, особенно въ извѣстные большіе праздники, служившей для возвеличенія обряда и разъясненія смысла и основанія торжественныхъ церковныхъ церемоній. Драма эта возникла въ церкви, игралась священниками, имѣла цѣлью назиданіе и пропаганду истинъ христіанскаго вѣроученія. Только со временемъ она, проникаясь именно этой цѣлью все глубже и глубже, начала впитывать въ себя все

¹⁾ *M. Wiszniewski*, *Historia literatury polskiej*, t. VII, 241, гдѣ приведены мелкіе отрывки изъ этого діалога; *Chomętowski*, *op. cit.* 25.

больше и больше элементов народного языка и народных воззрѣній; строгая литургическая схема, не измѣняясь въ сущности, оживлялась подѣ вліяніемъ той свѣжей реалистической струи, какою дышетъ литература XV столѣтія, литература разроставшихся въ то время городовъ, которые и были той почвой, на которой развилось и усовершенствовалось драматическое искусство. Изъ тиши церквей и монастырей религіозная драма постепенно переходила въ церковную ограду, а оттуда на вольный просторъ городскихъ площадей, изъ рукъ духовенства въ руки полу-мірскихъ братствъ въ родѣ знаменитой французской *Confrérie de la Passion* и въ концѣ въ руки городскихъ и даже сельскихъ общинъ (во Франціи главные центры мистерій были Парижъ, Руанъ, Лилль, Лиможъ, Метцъ, Дижонъ и проч. ¹⁾), въ Германіи между прочимъ деревня Обераммергау, гдѣ представленія того рода удержались до сихъ поръ).

Хотя начатки религіозной драмы въ продолженіе среднихъ вѣковъ были почти вездѣ на пространствѣ германо-романскаго міра, но все таки несомнѣнно, что главнымъ очагомъ, гдѣ эти начатки развились и дошли до извѣстной степени совершенства, нужно считать Францію. Французскія мистеріи сдѣлались по-этому образчиками англійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, а косвенно также польскихъ и южнорусскихъ. Разница существуетъ развѣ въ томъ, что переходя съ запада на востокъ театральныя представленія дѣлаются рѣже по мѣрѣ того, какъ число богатыхъ и самостоятельныхъ городовъ малѣетъ, обстановка представленій менѣе роскошна, самъ текстъ религіозныхъ драмъ сокращается, а вмѣсто того тонъ ихъ дѣлается грубѣе, композиція проще. Когда во Франціи почти всѣ города ежегодно устраивали набожныя репрезентаціи, а большіе города соперничали другъ съ другомъ въ роскошныхъ и съ громадными издержками сопряженныхъ представленіяхъ циклическихъ мистерій, въ Германіи такихъ центровъ мы находимъ меньше (главнымъ образомъ въ южной Германіи: Нюрнбергъ, Мюнхенъ и др.), а

¹⁾ См. *Petit de Julleville, Les Mystères*, t. II, 1—185, гдѣ собраны свидѣтельства обо всѣхъ того рода представленіяхъ въ XIV—XVI стол.

въ Польшѣ имѣемъ только одинъ единственный слѣдъ циклической мистеріи; въ южную Русь доходятъ только отрывки, отголоски этой богатой литературы, только поодинокія звенья изъ громадныхъ цикловъ, передѣланныя, закругленные кое какъ и соотвѣтствующія болѣе скромнымъ требованіямъ публики небольшихъ городковъ, иногда даже деревенской. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ сценарій ченстоховской пасхальной драмы, приведенный г. Хоментовскимъ (op. cit. 85—86). „Эта исторія можетъ быть представлена *inter ferta Paschalia*, въ костелѣ или на кладбищѣ, подѣ навѣсомъ, сдѣланнымъ изъ чего нибудь, хотя бы изъ вѣтвей, для защиты отъ дождя. Ежели бы это совершалось въ деревнѣ, гдѣ уборовъ нельзя добыть, можно и женскія платья передѣлать въ ризы. Парики и бороды изъ пеньки, только осторожно при огнѣ, въ виду суматохи... Въ первой части Анна и Каиафа войдутъ къ Пилату въ шатеръ сдѣланный изъ полотна, который въ деревнѣ можетъ быть выгороженъ изъ прутьевъ... Марія Іаковля, покупая масти у аптекаря, вмѣсто червонцевъ высыпаетъ мѣдные *личманы*, а ежели въ деревнѣ таковыхъ нѣтъ, можетъ нарѣзать округлыхъ пластинокъ моркови, но въ такомъ случаѣ надо ихъ медленно выкладывать изъ мошны. Магдалина высыпаетъ талеры, или, ежели бы таковыхъ не оказалось, округлые пластинки рѣпы“ и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Пасхальная драма въ частности пережила такую-же судьбу въ своемъ развитіи и путешествіи съ запада на востокъ. Самая ранняя концепція этой драмы основана цѣликомъ на Евангеліи; сошествія въ адъ въ ней совсѣмъ нѣтъ ¹⁾. Вмѣстѣ съ проникновеніемъ въ литургическую драму народнаго языка (во Франціи это началось еще въ концѣ XII, въ Германіи въ концѣ XIII стол.) дѣйствіе Пасхальной драмы осложняется введеніемъ въ нее апокрифическихъ подробностей. Въ Пасхальной драмѣ по Ейнзидельнской рукописи, изданной

¹⁾ Текстъ ея въ переводѣ съ латинскаго цѣликомъ напечатанъ въ книгѣ Пти де Жюллевилля (*Les Mystères I*, 61—63); латинскій текстъ опубликованъ сперва Дюканжемъ (*Glossarium latinitatis*, s. v. *Officium sepulchri*), а въ болѣе исправномъ видѣ Эдельстановъ дю Мерилемъ (*Ed. du Meril, Origines latines du théâtre moderne*).

Монѣ, мы видимъ смѣсъ латыни съ нѣмецкимъ языкомъ: нѣкоторые литургическіе напѣвы удержали латинскій текстъ, но драматическій разговоръ идетъ по нѣмецки. Мы приводимъ съ нѣкоторыми сокращеніями этотъ эпизодъ нѣмецкой Пасхальной драмы, какъ она представлялась въ XIV стол.

Ihesus et angeli eunt ad infernum. Angeli cantant: Cum rex gloriae.—Adam cantat: Advenisti. Angeli cantant: A porta inferi eripe nos Domine ¹⁾. Lucifer clamat:

Stoz den rygel vor dye toer,
Ich weiz nicht, waz da rouschet davoer.

Angeli cantant: Tollite portas principes vestras. Lucifer clamat: Quis est iste rex gloriae? Angeli: Dominus fortis, potens dominus, potens in proelio. Item angelus percutiens dicit:

Ir hern, schliesset uft dye toer,
Der Koning der eren ist hye voer.

Lucifer dicit:

Wer ist der Konig lobelich,
Der da stort soe geweldiglich
Mir an myne hellentoer?
Her mochte wol bliben davoer.

Angeli cantant: Tollite... Lucifer: Quis est... Angeli: Tollite... Lucifer: Quis est...

Ihesus dicit:

Ir hern uz der finsterkeit,
Ewir rufes sit ir gar ungemeit;
Balde schliset uft dye toer,
Der Koning der eren ist davoer.

Lucifer dicit:

Stoz den regel vor dye toer,
Der Koning der eren ist da voer,
Her schriget uns czue den oren.
Warlich, er mag wol toren

¹⁾ Это очевидно начальныя слова церковныхъ антифонъ.

Soe vil er kan her klaffen!
 Waz hat her hye czue schaffen?
 Balde heiz en enweg gen,
 Anders en wert eym bosze weter besten
 Hye mir czewel und kelle,
 Ich wil in sencken in dye helle.

Et sic frangit Ihesus tartarum, daemones ululant.

Ihesus dicit:

Nue komt myne vil liben kint,
 Dye von mynem vater bekomen sint,
 Ir solt mit mir ewiglich
 Besiczen mynes vaters rich.

Далѣ слѣдуетъ разговоръ Исуса съ Адамомъ и Евой. Et cantat Ihesus: Venite benedicti patris mei. Въ этомъ мѣстѣ вставленъ юмористическій эпизодъ съ душой какого то несчастнаго хлѣбопека, которая хочетъ прошмыгнуть изъ ада вмѣстѣ съ душами старозаконныхъ праведниковъ, но которую дьяволы удерживаютъ. Когда Исусъ съ праведниками ушелъ изъ ада, Люциферъ созываетъ чертей и приказываетъ имъ, чтобы шли въ міръ и таскали новыя души въ адъ. Главный прислужникъ Люцифера—Сатана охотно беретъ исполнить это приказаніе, и Люциферъ даетъ ему обширную инструкцію, кого онъ долженъ тащить въ адъ. Начало этой инструкціи въ высшей степени характерно для дореформаціонныхъ временъ:

Lauf hen keyn Anion ¹⁾,
 Brence mir den babest und den cardinal,
 Patriarchen und legat,
 Dye den luten geben boszen rat;
 Koning und Keyser,
 Dye brence mir alczue male her ²⁾

По изданіямъ Ланге (Die lateinischen Osterfeiern), Вирта (Wirth, Die Oster-und Passionsspiele), Дю-Мориля и Маньена (Du Meril et Magnin, Origines latines du théâtre moderne) и Куссмакера (Coussemaker, Drames liturgiques) мы можемъ про-

¹⁾ Очевидно - Азизлоуъ.

²⁾ Mone, Altteutsche Schauspiele, стр. 115—120.

слѣдить постепенное развитіе Пасхальной драмы въ Западной Европѣ и спеціально развитіе интересующаго насъ эпизода — сошествія Христа въ адъ. Въ драмѣ, напечатанной Моне, мы видимъ съ одной стороны преобладающую еще литургическую схему, основанную на Никодимовомъ евангеліи, но очень далекую отъ того богатства истинно драматическихъ подробностей, какое имѣетъ апокрифъ, а съ другой стороны вторженіе современнаго, сатирическаго элемента, который со временемъ усиливался все больше и больше и доходилъ до того, что напр. въ гор. Любекѣ дьяволы по приказанію Люцифера начали таскать въ адъ грѣшниковъ, угримированныхъ, какъ купцы, ремесленники, мастеровые и т. п. того же города, а въ концѣ втащили туда и мѣстнаго священника, который однакожъ успѣлъ освободиться изъ ада тѣмъ, что послѣ длинныхъ споровъ съ Люциферомъ пригрозилъ этому послѣднему, что Христосъ опять придетъ въ адъ, чтобы его освободить¹⁾.

Въ этомъ послѣднемъ эпизодѣ, который навѣрное не былъ оригинальнымъ изобрѣтеніемъ составителя Любекской драмы, но взятъ имъ или изъ какой нибудь болѣе древней драмы, или изъ бродячаго анекдота, мы узнаемъ параллель того эпизода нашей драмы, гдѣ Соломонъ такимъ же образомъ освобождается изъ ада. Но въ той же Любекской мистеріи есть и начало этого эпизода нашей драмы (оставленіе Христомъ одного праведника въ аду), хотя приложенное къ другой личности. Тутъ дьяволы сами и остаются удержатъ Іоанна Крестителя, говоря ему между прочимъ:

Horet gummen her Baptiste,

Gy konnen vele arge liste,

Wolde gynn aldus untrynnen?

Представленіе о св. Іоаннѣ Крестителѣ, какъ о человѣкѣ хитромъ и изворотливомъ, довольно странное; тѣмъ болѣе интересно, что и въ нашей драмѣ, въ которой роль хитраго и изворотливаго праведника болѣе естественно приписана Соломону,

¹⁾ *Mone*, Schauspiel des Mittelalters II. (Пасхальная драма по рукописи 1464 г.).

остался отголосокъ такого-же взгляда и на Крестителя въ эпизодъ столкновения между имъ и Люциперомъ, который нѣсколько разъ отзывается о Крестителѣ, какъ о „фиглярѣ“ т. е. шутникѣ и бунтовщикѣ.

Въ своемъ „Dictionnaire des Mystères“ попытался Дуэ (*de Douhet*) представить, такъ сказать, родословное дерево Пасхальной драмы. Эту работу продолжали болѣе систематически нѣмецкіе ученые Мильхзагъ, Ланге и Виртъ, которые кромѣ этого пытались отыскать для нѣмецкой драмы свои особые, нѣмецкіе источники. Особенно трудъ Ланге (*Die lateinischen Osterfeiern*, München 1887) важенъ по богатству разработаннаго матеріала; Ланге рассмотрѣлъ и изучилъ не менѣе чѣмъ 224 памятника, изъ коихъ 159 нѣмецкихъ, 52 французскихъ, 7 итальянскихъ, 2 испанскихъ, 3 голландскихъ и 1 англійскій. Какъ результатъ его работы слѣдуетъ считать слѣдующія положенія.

Основой Пасхальной драмы нужно считать т. н. Воскресное торжество (*Osterfeier*), которому и посвященъ исключительно трудъ Ланге.

Воскресное торжество развилось изъ богослужебнаго ритуала Свѣтлаго Воскресенья. Его развитіе перешло слѣдующія три ступени: 1) *Первобытная форма*—одна и единственная сцена, разговоръ женщинъ съ ангеломъ у гроба Спасителя; 2) *вторая степень*: двѣ сцены, а именно женщины и ангелъ у гроба и два апостола, спѣшащіе къ гробу Спасителя; 3) *третья степень*: сцена съ женщинами, сцена съ апостолами (иногда пропущена) и явленіе Христа Маріи Магдалинѣ.

Дальнѣйшей степенью развитія были т. н. Воскресныя зрѣлища (*ludus paschales*) и болѣе обширныя Страстныя зрѣлища (*ludus passionis*), коимъ посвященъ замѣчательный трудъ Вирта (*Ludwig Wirth, Die Oster und Passionsspiele bis zum XVI Jahrhundert*. Halle a. S. 1889), которымъ мы и воспользуемся.

Воскресныя зрѣлища въ свою очередь раздѣляются на двѣ группы, изъ коихъ первая представляетъ какъ по языку (смѣсь латинскихъ формулъ и гимновъ съ разговорами на народныхъ языкахъ), такъ и по композиціи болѣе древнюю степень развитія. Эта группа содержитъ обыкновенно 7 сценъ, а именно, 1) Три Маріи среди жалобныхъ причитаній идутъ ко гробу;

чтобы помазать тѣло Иисусово; 2) онѣ разговариваютъ съ торговщикомъ мастьями; 3) у гроба онѣ находятъ ангела и узнаютъ о воскресеніи Христовомъ, но возвращаясь еще какъ будто не вѣрятъ и плачутъ; 4) ихъ встрѣчаетъ Христосъ, котораго онѣ принимаютъ за садовника, но потомъ узнаютъ, послѣ чего онѣ исчезаютъ; 5) женщины возвѣщаютъ ученикамъ о воскресеніи Христовомъ; 6) Христосъ является ученикамъ и Ѳомѣ; 7) Петръ и Іоаннъ спѣшатъ ко гробу; окончаніе. Какъ видимъ, драмы этой группы основывались исключительно на евангельскомъ разсказѣ; сошествія въ адъ въ нихъ еще не было. Пьесъ принадлежащихъ къ этой группѣ—относительно мало; уже въ XII и XIII стол. мы встрѣчаемъ пьесы, даже совсѣмъ еще латинскія, значить, не вышедшія еще изъ церковной ограды и изъ рукъ духовенства, принадлежація ко второй группѣ (см. *Wirth* op. cit. 6), построенной по слѣдующей схемѣ: 1) Дѣйствіе начинается по погребеніи Иисуса; входитъ Пилатъ и возвѣщаетъ собранному народу, что случилось; 2) Іудеи высказываютъ свои опасенія насчетъ того, чтобы ученики не украли тѣла Иисусова, совѣщаются, что имъ дѣлать; 3) они просятъ Пилата, чтобы имъ позволилъ запечатать гробъ и приставить сторожу; въ однихъ пьесахъ Пилатъ соглашается, но велитъ Іудеямъ заплатить сторожѣ, въ другихъ онъ отказываетъ ихъ просьбѣ, послѣ чего Іудеи сами находятъ и нанимаютъ сторожу; 4) сторожа у гроба; 5) воскресеніе Иисусово; 6) сошествіе Иисуса въ адъ; 7) сторожа послѣ воскресенія, ея разговоры съ послами отъ Пилата и Іудеевъ, съ Іудеями и Пилатомъ.

Эти два типа Воскресныхъ зрѣлищъ, въ коихъ со временемъ, въ XIV и XV стол., восторжествовалъ народный языкъ, вошли въ составъ болѣе обширныхъ Страстныхъ зрѣлищъ, представлявшихъ въ драматической формѣ болѣе важные моменты послѣдней седмицы въ жизни Спасителя, начиная съ воскресенія Лазаря или торжественнаго вѣзда въ Іерусалимъ, и кончая явленіемъ Воскресшаго ученикамъ и вознесеніемъ Его на небо, или даже многіе моменты всей Его жизни, начиная съ Рождества или съ Крещенія. Какъ видимъ, интересующій насъ эпизодъ—сошествіе Иисуса въ адъ—до XVI столѣтія какъ само-

стоятельная драма обработанъ не былъ, но составлялъ только одинъ эпизодъ Воскресныхъ игрищъ второй группы или же Страстныхъ драмъ, принявшихъ въ себя Воскресныя игрища этой группы. Разсмотримъ болѣе подробно содержаніе этой сцены въ различныхъ нѣмецкихъ драмахъ этого рода. Общая схема ея такова (*Wirth* op. cit. 23—26): Послѣ Воскресенья Христосъ идетъ въ адъ, чтобы освободить души праотцевъ. Еще до его появленія у воротъ ада разливаѣтся свѣтлое сіяніе. Души праведниковъ радуются и разговариваютъ о предстоящемъ своемъ освобожденіи. Ихъ радостныя возгласы обращаютъ на себя вниманіе Люципера, который немедленно велитъ запереть адскія ворота; въ нѣкоторыхъ пьесахъ ворота запираются только послѣ появленія Христа. Люциперъ созываетъ чертей на совѣщаніе, при чемъ Сатана рассказываетъ о смерти и воскресеніи Иисуса. Христосъ является у воротъ сопровождаемый пѣніемъ ангельскимъ и вызываетъ Люципера, чтобы отперъ ворота; послѣ троекратнаго напраснаго воззванія Онъ разбиваетъ адскія ворота, велитъ связать Люципера и на вѣки заключить въ аду, послѣ чего вызываетъ души праотцевъ последовать за нимъ въ рай. Души (первобытно только Адамъ и Ева, позже и многія другія) привѣтствуютъ Спасителя и уходятъ вмѣстѣ съ нимъ изъ ада. Христосъ или самъ ведетъ ихъ въ небеса, или поручаетъ вести ихъ ангеламъ. Только одну душу (такъ названную *anima infelix*) дьяволы удерживаютъ въ аду и она поднимаетъ голосный вопль; иногда душъ такихъ бываетъ нѣсколько; въ одномъ случаѣ, въ упомянутой уже нами драмѣ, изданной Монэ, роль этой души играетъ Іоаннъ Креститель, при чемъ, конечно, дьяволамъ не удастся удержать его. За симъ слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ драмахъ т. н. *Teufelspiel*, отвѣтный французской *Diablerie*. Люциперъ созываетъ чертей, разговариваетъ съ Сатаной о своемъ посрамленіи, высылаѣтъ чертей ловить души людей разныхъ сословій, а когда дьяволы приводятъ эти души, онъ судитъ ихъ, однихъ велитъ задержатъ въ аду, другія же изгонять вонъ и оканчиваетъ этотъ эпизодъ длиннымъ разсужденіемъ о своемъ пораженіи.

Изъ пьесъ, разработанныхъ Виртомъ, только 9 содержатъ этотъ эпизодъ, а именно: Илсбрукское Воскресное зрѣлище (нашъ

эпизодъ занимаетъ въ немъ всего 54 стиха, а присоединенная къ нему *diablerie*—162 стиха); Вѣнское Воскресное зрѣлище, Ерлауское Воскр. зрѣл. (ч. V: 59 стиховъ); Редентинское Воскрес. зрѣлище (489 стих.) Мурская страстная драма (82 стиха); Сантъ-Галленская Стр. др. (26 ст.); Франкфуртская Стр. др., изъ которой сохранился только сценарій съ начальными стихами тирадъ поодинокихъ персонажей; Альфельдская Страстная драма (221 ст.) и Донауэшингенская стр. др. (107 ст.). Какъ видимъ, и по самому объему эпизодъ это далеко не доравниваетъ нашей, хотя и не полной драмѣ. Единственный его текстъ, болѣе или менѣе равный нашей драмѣ по количеству стиховъ, въ Редентинскомъ Воскресномъ зрѣлищѣ, достигаетъ этого не болѣе драматическимъ развитіемъ дѣйствія, не болѣе обстоятельной характеристикой дѣйствующихъ лицъ, но механическимъ накопленіемъ цитатъ изъ св. Письма, такъ какъ Христа въ аду привѣтствуютъ тамъ длинными рѣчами Адамъ, Ева, Сиѡв, Авель, Исаія, Давидъ, Симеонъ Богопріимецъ и Іоаннъ Креститель.

Разсматривая интересующій насъ эпизодъ съ точки зрѣнія его источниковъ, нѣмецкіе ученые Мильхзакъ (*G. Milchsack* *Die Oster-und Passionsspiele*. I. Wolfenbüttel 1880, стр. 130 и д.) и Виртъ (op. cit. 23—24) приходятъ къ тому выводу, что хотя основаніемъ его и есть Никодимово евангеліе, но авторы средневѣковыхъ драмъ не пользовались этимъ евангеліемъ прямо, а только при посредствѣ церковнаго ритуала, въ свою очередь основаннаго въ части и на апокрифѣ. Кромѣ церковнаго ритуала авторы Пасхальныхъ драмъ пользовались произведеніями богатой средневѣковой гимнологіи, а также болѣе древними эпическими поэмами библейскаго содержанія въ родѣ „*Urstende*“ „*Passional*“ „*Martina*“ „*Erlösung*“ „*Vom glauben*“ и т. п. Сравнивая содержаніе „сошествія“ въ нѣмецкихъ драмахъ съ относительнымъ рассказомъ Никодимова евангелія мы видимъ, что драма только въ самыхъ общихъ чертахъ наслѣдуетъ апокрифу, не знаетъ Ада, какъ дѣйствующаго лица, не знаетъ спора между Адомъ и Сатаной и исключенія этого послѣдняго и т. п. Поэтому мы можемъ почти навѣрное сказать, что наша Пасхальная драма, хотя въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ чертахъ и сходится съ

нѣмецкимъ Воскреснымъ зрѣлищемъ (эпизодъ *anima infelix*, превращенной у насъ въ Соломона), по отношенію къ общему плану дѣйствія, къ ходу мыслей діалоговъ и расположенію эпизодовъ,—должно считаться произведеніемъ совершенно независимымъ отъ нѣмецкихъ образчиковъ. Главнымъ образомъ она безъ сравненія ближе къ тексту Никодимова евангелія, а во вторыхъ—она самостоятельное цѣлое, какого мы не обрѣтаемъ среди нѣмецкихъ памятниковъ этого рода.

Мы не можемъ съ такой же увѣренностью высказаться о французской Пасхальной драмѣ, главнымъ образомъ потому, что у насъ нѣтъ подъ рукой изданій текстовъ этой драмы. Пти де Жюллевилъ, котораго книгой мы пользуемся, даетъ вправдѣ анализъ всѣхъ дошедшихъ до насъ французскихъ мистерій, въ томъ числѣ и драмъ Пасхальныхъ, но анализъ его касательно нашего эпизода обыкновенно слишкомъ бѣглый и не даетъ понятія о ходѣ дѣйствія и расположеніи сценъ. Мы соберемъ все, что можно извлечь изъ его книги для нашей цѣли.

Самая древняя изъ сохранившихся пьесъ, содержащихъ сошествіе Христа въ адъ, это провансальская „Пассія“ 1345 г. Въ пьесѣ этой между прочимъ былъ эпизодъ съ Іудой, который предавъ Спасителя, въ длинномъ монологѣ рассказывалъ свою легендарную біографію, послѣ чего и удавился. О сошествіи Христа въ адъ П. де Жюллевилъ только вскользь упоминаетъ (*Petit de Julleville, Les mystères, II, 351*).

Въ XV стол. во Франціи пошла мода на громадныя мистеріи, драматически представлявшія чуть ли не всю библейскую исторію, начиная съ созданія міра, и кончая вознесеніемъ Іисуса. Сейчасъ первая пьеса этого рода, писанная въ началѣ XV в. и опубликованная Жюбиналемъ (*A. Jubinal, Mystères inédits du XV-e siècle, Paris 1837*) содержитъ и эпизодъ сошествія въ адъ. И здѣсь, какъ въ нѣмецкихъ пьесахъ, сошествіе по техническимъ соображеніямъ, хотя и въ противорѣчій съ церковной традиціей, поставлено послѣ Воскресенія (см. объ этомъ Wirth op. cit. 23). Содержаніе эпизода П. де Жюллевилъ передаетъ слѣдующими словами: Сатана и Бельзевутъ укрѣпляются въ аду, но Іисусъ разбиваетъ ворота и освобождаетъ праведниковъ; Да-

видѣ, Исаія, Іоаннѣ Креститель, Аввакумѣ, Адамѣ и Ева выходятъ изъ преисподней, слава Бога“. (ор. cit. 393).

Тотъ же эпизодъ есть и въ громадной киклической драмѣ Арнольда Гребана, но мы не можемъ сказать въ какой формѣ (ор. cit. 410). Тоже мы должны сказать и о мистеріи Осташа Меркде (ор. cit. 421) и о мистеріи представленной въ Валансиеннѣ (ор. cit. 424). Въ Страстной драмѣ Жана Мишеля содержаніе этого эпизода сходно съ мистеріей, изданной Жюбиналемъ. Тотъ же Мишель написалъ кромѣ этого Воскресную драму, которая опять таки начиналась сценой сошествія Христа въ адъ. Насколько можемъ судить изъ списка дѣйствующихъ лицъ, приведеннаго П. де Жюлевилемъ (ор. cit. 447), дѣйствіе въ этой сценѣ развивалось слѣдующимъ образомъ: Керберъ, придверій ада, начиналъ сцену; далѣе слѣдовалъ разговоръ дьяволовъ: Ада, Сатаны, Левіатана, Маммоны, Гасмодея, Бельзебута, Баальдериха, Баамма, Астарота, Бериха, Вегемота, Бельдигора и Люцифера; являлся Христосъ, сопровождаемый ангелами Михаиломъ, Гаврииломъ, Рафаиломъ и Урииломъ; съ высоты раздавался голосъ Бога Отца; являлись души разбойниковъ, распятыхъ вмѣстѣ съ Христомъ, и еще одна осужденная душа; затѣмъ слѣдовалъ разговоръ Христа съ душами праведниковъ, при чемъ Христа привѣтствовали Адамъ, Ева, Авель, Маѳусаиль, Ной, жена Ноева, Мелхиседекъ (или Симъ), Іовъ, Авраамъ, Сарра, Лотъ, Исаакъ, Яковъ, Іуда патріархъ, Іосифъ, Моисей, Ааронъ, Іисусъ Навинъ, Самсонъ, Самуиль, Давидъ, Товія, Юдиѣъ, Есѣиръ, Исаія, Іеремія, Давіиль, Іуда Маккавей, Захарія, Симеонъ, Іоакимъ, Анна мать пресв. Дѣвы, Іоаннѣ Креститель, дѣти Вифлеемскіе, убитые Иродомъ, Іосифъ мужъ Богородицы, въ концѣ предполагаемые списатели этой части Никодимова евангелія Каринъ и Левкій (здѣсь Leonicus). Какъ видимъ изъ самаго этого списка, дѣйствіе въ этой драмѣ было на много ближе къ тексту Никодимова евангелія, чѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ нѣмецкихъ Пасхальныхъ драмахъ, хотя Мишель, разумѣется, расширялъ рамку апокрифическаго разсказа, вводя множество новыхъ лицъ и расширяя такъ называемые *diableries*, которыя здѣсь однако, по свидѣтельству

П. де Жюллевиля, выходить нѣсколько болѣе серьезныя, чѣмъ въ большинствѣ другихъ произведеній того рода (ор. cit. 448).
 Въѣкъ XVI—это вѣкъ упадка мистерій во Франціи; изъ него мы имѣемъ только одну Воскресную драму, написанную Елуа Дюмономъ ок. 1530 года, но эпизода сошествія Христа въ адъ въ ней нѣтъ (ор. cit. 605).

Вотъ и все, что мы могли извлечь изъ книги Пти де Жюллевиля. Къ сожалѣнію, этого слишкомъ мало для того, чтобы судить, есть ли какая нибудь связь между нашей Пасхальной драмой и французскими, которыя могли служить образчикомъ для польскихъ „діалоговъ“ и такимъ образомъ косвенно вліять и на Южную Русь. Оставляя это дѣло нерѣшеннымъ, мы однако не можемъ не высказать мысли, что наша драма есть сочиненіе *въ значительной степени оригинальное*. Мы понимаемъ это въ такомъ смыслѣ, что авторъ не передѣлалъ ее прямо изъ какой либо другой драмы, польской, нѣмецкой или французской, но составилъ свободно, пользуясь текстомъ Никодимова евангелія и внося для разнообразія эпизоды изъ видѣнныхъ имъ Пасхальныхъ драмъ (несчастная душа=Соломонъ), или измышляя свои собственные (такимъ, мнѣ кажется, есть эпизодъ спора Люцыпера съ Іоанномъ Крестителемъ).

Оканчивая наши замѣтки по поводу открытой нами Пасхальной драмы, мы должны обратить вниманіе еще на одно интересное явленіе въ области южнорусскаго фольклора, имѣющее, какъ намъ кажется, прямую связь съ нашей драмой и происшедшей изъ нея виршей. Это народный разсказъ о томъ, какъ Соломонъ избавился изъ ада. Разсказъ этотъ, также какъ и остатки Пасхальной драмы, популяренъ на двухъ противоположныхъ концахъ территоріи, заселенной южноруссами. Разсказъ этотъ записанъ г. Ивановымъ въ Купянскомъ уѣздѣ, въ селѣ Тарасовкѣ, и напечатанъ въ Этнографическомъ обозрѣніи 1893, № 3, стр. 107—109. „Нѣтъ вѣроятно,—говоритъ г. Ивановъ—ни одного въ уѣздѣ селенія, въ которомъ эта легенда была бы совсѣмъ неизвѣстна. Но не смотря на многочисленность, варианты ея представляютъ лишь незначительную разницу въ содержаніи, отличаясь только изложеніемъ и мелкими подробностями въ родѣ

того, что въ однихъ вариантахъ Соломонъ собирается строить въ адѣ колокольню, въ другихъ церковь, въ третьихъ монастырь, — вообще грозитъ чертямъ колокольнымъ звономъ, или тѣмъ, что Христосъ вторично явится въ адъ за нимъ лично, и такой угрозой достигаетъ своей цѣли: бѣсы сами выводятъ или вывозятъ его даже на себѣ изъ ада (ор. cit. 107). Мы не выписываемъ здѣсь самаго разсказа, въ которомъ интересующая насъ подробность осложнена другими сказочными и легендарными мотивами, но замѣтимъ, что въ томъ же уѣздѣ, гдѣ этотъ разсказъ столь популяренъ, записанъ также г. Ивановымъ вариантъ Изюмской вирши, о чемъ мы упоминали выше.

Второй вариантъ этого сказанія записанъ Б. Д. Гринченко изъ устъ крестьянскаго мальчика изъ хутора Троецкаго, славяно-сербскаго уѣзда екатеринославской губ. ¹⁾ Этотъ вариантъ очень кратокъ. Иисусъ, выводя всѣхъ людей изъ ада, оставляетъ въ немъ одного Соломона и говоритъ ему: „Ты, Соломоне, хитрый та мудрый, выйдешь самъ хитрощами та мудрощами“. Какими „хитрощами“ Соломонъ вышелъ изъ ада, — разсказъ неупоминаетъ.

Тотъ же разсказъ, сколько мнѣ помнится, неизвѣстный до сихъ поръ въ правобережной Украинѣ, ни въ Галиціи, записалъ лѣтомъ 1895 молодой галицкій этнографъ Владиміръ Гнатюкъ въ Угорской Руси, въ селѣ Голятынѣ мараморошскаго уѣзда отъ крестьянина Андрія Бряныка. Привожу здѣсь этотъ разсказъ, напечатанный въ мало извѣстномъ русскимъ читателямъ галицкомъ журналѣ „Житє і Слово“ (т. IV, стр. 346—347), пропуская начало, гдѣ разсказано, какъ Адамъ записалъ Сатанѣ себя и свое племя и какъ Сатана скрылъ этотъ „кѣндратъ“ (контрактъ, запись) въ камнѣ на горѣ Голгофѣ. „И самъ Сусъ Хрыстосъ чирезъ праведни души давъ сыбе на муки и мусивъ выраты за православну виру свою. И якъ Сусъ Хрыстосъ оскресъ и пішовъ въ Галагофту гору и выслободывъ тотъ кѣндратъ, перечулы зли духы зъ передъ того трѣма годы и дали такъ пекло обкуваты якъ михырѣ, самовъ мидьовѣ, и середѣ

¹⁾ Б. Д. Гринченко, Этнографическіе матеріалы, собранные въ черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Вып. I. Черниговъ 1895, стр. 75—76.

пекла изробылы ковбыцю въ тысяча мажъ (мажа—сто фунтовъ) и на то 12 ланцивъ искувалы и 12 колодыцъ изробылы. И прыйшовъ Сусъ Христосъ идъ пеклу идъ воротымъ изъ святымъ Михайломъ и каже: „Втворити князы врата свои, бо йдутъ сыны небесніи!“ Кажи другый разъ то само и кажи третій разъ. И въ четвѣртый разъ махне на охрестъ свойовъ паличковъ золотовъ, и вшытко лыше хрякнуло, упало. Відтакъ прыходытъ идъ адови пекельному. И адъ пекельный каже: „Ты еси мы типерь въ рукахъ“. И каже: „Сидай идъ ковбыцы той вбырайся въ ланцы!“ „Я ни знаю, якъ ся вбыраты, хiba мы вкажишъ“. Убрався (адъ) красно и позамыкавъ. „Ино бысь ты такъ на ся взявъ!“ А Господь кажи: „ну, най буди такъ!“ И вшытко на нымъ прыростло того. И колы почавъ собовъ быты, и ще такъ бувъ бы ся завгрубшкы проломывъ, кажи: „ни рыдай, ади пекельный! Во послѣдня ремя ти вшытко твое буде цѣльце (що першый клясъ), а мое позадь“. Винъ такъ ся тогды зрадовавъ, що ся засміявъ, що му два зубы зъ пыска высочылы. И тогды за собовъ души праведни Господь вшытки повівъ до раю такъ, якъ едынъ вивчаръ вивци за собовъ. И премудрый Сельемонъ кажи: „Господи,—кажи,—та мине туй лышышъ?“— „Ты бувъ, Сельемони, мудрый, премудрый, та выслободы ся изъ пекла!“ И тогды Сельемонъ ставъ муруваты манастирь, велику резиденцію. И кажи адъ пекельный: „Що ты, Сельемоне, будуешъ?“ „Я тото буду: туй прыйде Маринъ сынъ Исусъ Христосъ назадъ сюда, и будутъ изо всима святымы спиваты красно и тыміаномъ будутъ дужи красно кадыты“. И тогды кажи адъ пекельный: „Бирите го та писвіте тыхо, бысьте мине и не здрогли, и положите ще пиредъ другихъ, бы ся замишавъ, бы ся назадъ ни вирнувъ“. И зъ Богомъ у рай премудрый Сельемонъ пишовъ якъ други праведни“.

Я не настолько начитанъ въ сборникахъ средневѣковыхъ христіанскихъ легендъ, чтобъ могъ рѣшительно сказать, встрѣчается эта легенда гдѣ нибудь въ западной Европѣ, или нѣтъ. Для меня остались недоступными капитальныя сочиненія, относящіяся къ этому предмету, а именно Мори (*Maury*, *Les legendes pieuses du Moyen Age*), Грассе (*Grässe*, *Die grossen Sagenkreise des*

Mittelalters) и Дуэ (*Douhet*, Dictionnaire des légendes). Но въ извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ, главнымъ образомъ касающихся цикла Соломоновскихъ легендъ, а именно у Веселовскаго (Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и дополненія къ этой работѣ въ Разысканіяхъ въ области русскихъ духовныхъ стиховъ), у Вейля (*Biblische Legenden der Muselmänner*), у Грюнбаума (*Die haggadischen Beiträge zur vergleichenden Mythologie* въ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* t. XXXI и въ *Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde*) подобнаго сказанія совсѣмъ нѣтъ. Я не встрѣтилъ его и въ такихъ богатыхъ коллекціяхъ средневѣковыхъ легендъ и разсказовъ, какъ *Otia imperialia* Гервасіи изъ Тильбери (*Gervasius von Tilbury. Otia imperialia. Herausg. von F. Liebrecht*), какъ *Gesta Romanorum* (едид. Н. Оестерлей) или Кирхгофовъ *Wendunmuth* (изд. его-же). Въ виду общепринятаго мнѣнія, что всѣ легенды о лицахъ библейской исторіи, живущія въ устахъ нашего народа,—бродячій международный матерьялъ, сочтется мнѣ, быть можетъ, за еретичество слѣдующая гипотеза о возникновеніи интересующей насъ Соломоновской легенды. Не возможно ли ея возникновеніе выяснить слѣдующимъ образомъ? Первобытнымъ основаніемъ служить типичный въ западноевропейской Воскресной драмѣ эпизодъ съ *anima infelix*, которую по ишествіи Христа съ праведниками изъ ада дьяволы удерживаютъ или пытаются удержать въ аду. Мы видѣли, что иногда эта *anima infelix* превращается въ одного изъ праведниковъ, напр. въ Іоанна Крестителя. На малорусской ли, или на польской, или еще на нѣмецкой или французской почвѣ возникло превращеніе этой несчастной души въ премудраго Соломона, этого за недостаточностью матерьяла мы не можемъ рѣшить. Разъ эта роль выпала Соломону, естественно явилось и то представленіе, что онъ, какъ „премудрый“, долженъ какой нибудь штукой освободиться изъ ада. Мы видѣли въ одной изъ нѣмецкихъ пасхальныхъ драмъ и первообразъ этой штуки—угрозу священника сатанѣ, что для его освобожденія Христосъ еще разъ придетъ въ адъ. Эту штуку и приложено въ нашей драмѣ къ Соломону. Только изъ драмы или возникшей на ея основаніи вирши этотъ анекдотъ перешелъ въ уста народа и удержался

именно тамъ, гдѣ сбереглись до сихъ поръ остатки одной и другой. Угрорусская мѣстность, гдѣ записанъ приведенный разсказъ, довольно близка къ галицкой границѣ, а народъ оттуда ежегодно толпами ходитъ на богомолье въ галицкое Подгорье, именно въ Гошевъ (долинскаго пов.), Кохавину (жидачевскаго пов.) и Кальварію Паславскую (старомѣстскаго пов.) — мѣста, гдѣ происходитъ особенно живой обмѣнъ религіозныхъ сказаній, такъ какъ богомольцы принуждены десятками ночевать въ одной комнатѣ, обыкновенно всю ночь рассказываютъ того рода сказанія или заставляютъ грамотныхъ изъ своей среды читать того рода вещи изъ тетрадокъ, имѣющихся у нихъ всегда для такой okazji. Кажется, что и тетрадка О. Кышко, въ которой сбереглась наша драма, сдѣлана была именно для такого употребленія. Того рода тетрадокъ есть у меня довольно значительное количество и обзорѣніемъ ихъ содержанія я займусь при другой случайности. Что же касается нашей легенды, то возникновеніе ея такимъ именно образомъ, какъ изложено выше, изъ пасхальной драмы, мнѣ кажется довольно правдоподобнымъ.

Миронъ.

31.522

$\phi \frac{I}{10-196}$